М.С.В.
283

кн 7789
лфм

К № 753
АДМ

Инв. № 15566
Объект № 3
б,5[2]

БИБЛИОТЕКА
Алупкинского Государств.
Дворца - Музея
ОТДЕЛ М.С.В.
ИНВ. № 12793
ШИФР.

Алупкінський
палац-музей
в м. Алупці
БІБЛІОТЕКА
Інв. № 4361

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНИИ

и

ДѢЯНІИ, ИЗЪЯВЛЯЮЩІЯ СВОЙСТВО

ФРИДРИХА IIго,

КОРОЛЯ ПРУССКАГО,

переведенныя съ Нѣмецкаго подлинника, изданнаго въ Берлинѣ 1789 года,

Н. П.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ВЪ Санктпетербургѣ 1789 года.

Печатаны при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Нѣкто изъ очевидныхъ свидѣтелей повѣствуетъ между протчимъ о Королевскомъ поступкѣ, учиненномъ имъ во время знаменитаго при Торгавѣ сраженія, слѣдующее:

Предъ самымъ началомъ сей баталіи, построилъ Король десять баталіоновъ изъ своихъ гранадеръ, кои составляли все его передовое войско, въ нѣкоторомъ лѣсу въ боевый порядокъ. Но сколь скоро лишъ выступилъ онъ съ ними противъ непріятеля, то всѣ почти изъ нихъ положены были отъ чрезмѣрно сильнаго непріятельскаго пушечнаго огня на мѣстѣ, прежде нежели успѣли еще они всѣ по оному выстрѣлить. Король, видя столь страшное людямъ своимъ пораженіе при семъ случаѣ, пребылъ однакожъ во все сіе время довольно спокойнымъ, и обратясь къ случившемуся подлѣ его на то время Генералу *Сгбургу*, сказалъ притомъ оному: „ *Вотъ какая ужасная канонада! Слыхивалъ ли ты*

когда о подобной оной?,, Между тѣмъ, не преставали падать около его ядра и пули одно за другимъ, врываясь глубоко въ землю, такъ что онаго лошадь принуждена была отъ того быть въ безпрестанномъ движенiи, да и самъ онъ даже получилъ тогда сильную контузiю; но не смотря на то, оставался онъ все то время неподвижнымъ съ мѣста. Наконецъ, съ сего мѣста отправился онъ на другое, не менѣежъ опасное предъ прежнимъ, и прибывъ потомъ къ одному драгунскому полку, вопрошалъ онъ между прочимъ у служивыхъ: *,,Что дѣти, каково вамъ здѣсь?,,* — ,,Весьма дурно, Ваше Величество, отвѣтствовали ему на то изъ нихъ нѣкоторые. Мы стоимъ здѣсь, неподвижно на одномъ мѣстѣ, и принуждены допускать убивать себя, не въ силахъ будучи никакъ тому препятствовать: (ибо, правое крыло не могло вовсе приступить къ наступленiю на непрiятеля.) *,,Пообождите еще немного,* сказалъ Король симъ людямъ, *непрiятели ваши укротятся уже скоро, надѣюсь,*

отъ ярости своей; а тогда придетъ и до васъ очередь въ томъ же самомъ.,, Въ самое то время, когда лишъ выговорилъ Король слова сіи, пролетѣло подлѣ самаго его мимо пушечное ядро, такъ что лошадь его кинулась отъ того тотчасъ въ сторону, ударило въ барабанъ того полку барабанщика, и причинило наконецъ то, что испужавшаяся подъ онымъ лошадь помчала его благимъ матомъ прямо къ непріятелямъ. Король, нетолько что не встревожился нимало отъ сего случая, но смѣясь еще тому, закричалъ притомъ барабанщику тому въ слѣдъ: ,,*Пожалуй скажи Австрійсцамъ, чтобъ отступали они скорѣе прочь; а не то отниму я у нихъ всѣ пушки.,,* —Да и въ самой вещи, Король исполнилъ то подлинно чрезъ часъ времени, что сказалъ онъ шутя токмо.

Послѣ того поскакалъ Король немедлѣнно на правое крыло, и по окончаніи сраженія, приказалъ тотчасъ своей конницы асадить въ лѣво. Между тѣмъ, не преставалъ однакожъ непріятель при

своемъ отступѣ все еще стрѣлять весьма сильно; въ самое сїе время, раздробила прилетѣвшая картечь у одного Унтеръ-офицера Лейбгвардїи, по имени *Гейнриха*, руку, и ударилась потомъ подлѣ самаго Короля въ землю. Унтеръ-офицеръ сей вскричалъ изо всей силы при семъ ударѣ, кленя притомъ по солдатскому обыкновенїю бѣдственную свою участь: „Не ранила ли она и Ваше Величество, спросилъ онъ потомъ у Короля съ твердымъ духомъ тогда, когда уже замертвевшая у него съ тесакомъ рука повисла на подобїе плети? „*Никакъ нѣтъ, любезный мой Унтеръ-офицеръ*, отвѣчалъ ему Король на вопросъ сей весьма милостиво, будучи примѣтнымъ образомъ тронутъ состоянїемъ сего нещастнаго; *но у тебя, какъ вижу я, повреждена крайнѣ рука!*„—„И! Что до того нужды, продолжалъ говорить раненный тотъ; она заживетъ опять по прежнему; а ктомужъ, во мнѣ и нужды не столько, какъ въ Вашей Особѣ.„—Человѣколюбивый Монархъ сей,

не спуская потомъ нѣсколько времени съ онаго своихъ глазъ, означавшихъ ясно всю силу его соболѣзнованія, коимъ преисполнена бывала всегда, при подобныхъ сему случаяхъ, великая душа онаго, и оборотившись наконецъ назадъ, сказалъ случившемуся тамъ на то время Ротмистру *Пасадовскому*: „*По истиннѣ трогаетъ меня чувствительно состояніе сего добраго человѣка. Прикажи, пожалуй, отправить его немедлѣнно въ Торгаву, гдѣбъ не оставили подать ему всевозможную помощъ къ онаго облегченію.*„ Спустя потомъ два дни послѣ баталіи, вспомнилъ паки Король о семъ произшествіи, онъ приказалъ тотчасъ освѣдомится объ ономъ Унтеръ-офицерѣ, и отослалъ къ нему тогда же десять Фридрихсдоровъ, для нѣкотораго ободренія въ его печали о потерѣ онаго руки.

Королю не не доставало, по истиннѣ, ничего къ тому, чтобъ сохранять при разныхъ случаяхъ солдатъ своихъ отъ всякаго рода унынія, и облегчать

притомъ онымъ всячески несносныя трудности войны оказываемою имъ ласкою и соучастіемъ его во всемъ. Но естьли случалось когда и самому ему выступать изъ предѣловъ обыкновенной своей воздержности въ чемъ либо, то старался онъ всегда сколько можно скорѣе поправлять въ томъ свои проступки. Нѣкогда на походѣ въ Саксоніи, когда Король, ѣхавъ верьхомъ, поравнялся съ однимъ гранадерскимъ баталіономъ, то въ самое то время спотknулась подъ нимъ лошадь: одинъ изъ гранадеръ того баталіона, увидя сіе, бросился немедлѣнно вонъ изъ шеренги, и схватя тотчасъ за поводъ, хотѣлъ изъ усердія удержать лошадь отъ совершеннаго паденія. Король, которому и безъ того уже весьма досадно было на лошадь, за причиненной ею ему сильной толчокъ, а притомъ и испужавшись отъ нечаемаго имъ вовсе таковаго скочка гранадера того, поднявъ свою палку, ударилъ оною гранадера, и поскакалъ потомъ впередъ. Многіе изъ того баталіона, видя все сіе

произшествіе отъ самаго начала до конца, начали нетолько тому смѣятся, но стали еще насмѣшничать и надъ симъ заслуженымъ гранадеромъ, крича ему громко: „Вотъ тебѣ достойная награда за труды твои.„ — Король, слыша между тѣмъ все то, остановился наконецъ, и простоялъ потудова на одномъ мѣстѣ, покамѣстъ не поравнялся съ нимъ паки усердный сей гранадеръ: „*Гдѣ тотъ самый гранадеръ, который хотѣлъ было удержать мою лошадь*, спросилъ онъ? — Тотчасъ представленъ былъ ему оный. — „*Другъ мой*, сказалъ ему Король тогда, *естьли и задѣлъ я тебя нѣсколько неосторожно моею палкою, то пожалуй не сѣтуй ты на то, потому что я не тебя, а мою лошадь хотѣлъ ударить. Однакожъ, сколь скоро прибудемъ мы въ лагерь, то явись ты тамъ ко мнѣ за должною тебѣ за то платою; но за твое усердное о мнѣ попеченіе, благодарю я между тѣмъ тебя на первый случай въ задатокъ*.„ Слова сіи удовлетворили обиженнаго гранаде-

ра того, по истиннѣ, несравненно болѣе за насмѣшку надъ нимъ его товарищей, нежели полученныя имъ послѣ отъ Короля деньги за ударъ палкою.

При нѣкоторой сильной схваткѣ у передовыхъ Прусскихъ войскъ съ Кроатами и гусарами Генерала *Надастія* въ Богеміи, прострѣлили непріятели у одного рядоваго солдата вольнаго батаЛіона Г: *Вунша* икру у ноги; и какъ кровь лила у него весьма сильно изъ раны, не допуская успѣвать ему въ шествіи за проччими, то оный, отставъ отъ фронта, и прислонясь къ дереву, хотѣлъ между тѣмъ, вырѣзавъ у себя изъ рубахи рукавъ, перевязать онымъ свою ногу. Въ самое то время наѣхалъ на него нечаянно Король, и увидя его въ семъ упражненіи, спросилъ его тотчасъ: „*Что ты дѣлаешъ тутъ?*„ — „Я хочу, Государь, перевязать мою ногу, чтобъ не мѣшала мнѣ льющаяся изъ полученной мною раны кровь поспѣть паки въ свой баталіонъ.„ — „*Не уменъ же ты, какъ*

вижу я, отвѣтствовалъ ему на то Король; *поди лучше назадъ, и вели перевязать себѣ рану порядочнымъ образомъ.*,, Король поскакалъ потомъ отъ него впередъ, и остановился наконецъ на нѣкоторомъ возвышенїи, дабы возможно было видѣть ему оттуда лучше все дѣйствїе его войскъ, и дѣлать притомъ удобнѣе всѣ распоряженїи. Спустя послѣ того четверть часа, появился опять предъ нимъ сей раненный, который, идучи большими шагами, поспѣшалъ весьма усердно къ своему мѣсту. Король непреминулъ, обратясь къ окружавшимъ его тамъ, указать его онымъ, сказавъ притомъ: ,,*Вотъ, Господа, идетъ нашъ храбрый солдатъ.*,, По окончанїи всего дѣйствїя, когда Австрїйсцы прогнаны были уже совершенно назадъ, велѣлъ тотчасъ Король освѣдомится о семъ раненномъ, и услышелъ, что оный, находясь при своей ротѣ, стрѣлялъ на ряду съ протчими во все время весьма исправно; чего ради, приказавъ его кликнуть къ себѣ, спросилъ его; ,,*Умѣешъ ли ты*

писать?,, — ,,Умѣю, да притомъ еще и хорошо, Ваше Величество, отвѣчалъ ему оный. — ,,*Когдажъ такъ, то будь же ты Фельдвебелемъ въ полку Герцога Бевернскаго, и пекись, пожалуй, наипаче о своемъ здоровье.*,, А между тѣмъ, подарилъ ему притомъ Король и нѣсколько денегъ сверьхъ того.

На походѣ къ Цорндорфу запрещено было всѣмъ солдатамъ настрого, какъ пѣнiе, такъ и куренiе табака. Въ самое то время, когда все войско продолжало шествiе такимъ образомъ, двое изъ Лейбгвардïонцевъ разсуждали между собою о разной матерiи, изъ коихъ сказалъ потомъ одинъ другому, не чая того вовсе, чтобъ Король, который на ту пору ѣхалъ мимо ихъ верьхомъ, могъ услышать: ,,Мы идемъ, братъ, теперь слово слово, какъ будто крадимся, чтобъ подстеречь, по видимому, такъ Руских, какъ кошка караулитъ мышъ.,, — ,,*И конечно таки,* сказалъ на то Король, перебивъ совсемъ нечаянно разговоръ ихъ, *подсте-*

режемъ мы ихъ, лишъ только вы, смотрите, не упустите изъ западни оныхъ.,, Гвардіонецъ тотъ, видя Короля столь благосклоннымъ и веселымъ на сей разъ, ободрясь тотчасъ отъ страха, который обуялъ было его съ самаго начала отъ своей неосторожности, отвѣтствовалъ Королю на оное весьма смѣло: ,,Ваше Величество! Инъ не сцѣпится ли ужъ съ ними завтра же лучше; а не то ускользнутъ они отъ насъ опять.,, Король, которому понравились довольно слова сего человѣка, продолжалъ разговаривать съ нимъ: ,,*До этова далеко еще намъ, другъ мой; а ухода ихъ я также не чаю; потому что стоятъ они твердо.,,* — ,,Когдажъ такъ, сказалъ потомъ Гвардіонецъ сей, то право уцѣлеютъ изъ нихъ весьма немногіе развѣ.,, — ,,*Оставайся же инъ притомъ, другъ мой,* продолжалъ говорить ему Король, и отъѣзжая отъ него прочь, повторилъ ему притомъ въ слѣдъ: ,,*Да и товарищамъ своимъ скажи тожъ самое.,,*

Нѣкогда въ весьма пріятный весенній день, когда все войско шло маршемъ въ Богемію, то солдаты, развеселясь между собою, начали пѣть разныя военныя и другія кой какія забавныя пѣсьни. Порутчикъ Королевской Лейбгвардіи, по имени *Тротта*, будучи тѣмъ крайнѣ не доволенъ, и не могши долго того сносить, началъ запрещать пѣть; а наипаче возбранялъ онъ то своимъ подчиненнымъ Гвардіонцамъ; но не смотря на то, ни брань, ни угрозы его не помогали нимало, и солдаты не преставали утѣшать себя громогласнымъ пѣніемъ. Наконецъ, усмотря онъ ѣхавшего верьхомъ Короля, закричалъ тотчасъ въ досадѣ: „Вотъ и самъ Король, онъ не оставитъ уже заткнуть вамъ горло.„ По произнесеніи имъ сихъ словъ, послѣдовала немедлѣнно тишина повсюду. Король, которому всегда было пріятно и видѣть и слышать бодрость духа въ его солдатахъ, примѣтя послѣдовавшую вдругъ вездѣ тишину, непреминулъ спросить у солдатъ: „*Для чего не продолжаете вы,*

дѣти, пѣть по прежнему?,, — ,,Ваше Величество, отвѣчали ему на то нѣкоторые, Господинъ Порутчикъ *Тротта* запретилъ намъ то.,, Услыша сїе Король, обернулся тотчасъ къ помянутому Порутчику, который поѣхалъ также за нимъ въ слѣдъ, и сказалъ оному съ видомъ своего неудовольствїя: — ,,*Господинъ Офицеръ, пожалуй не мѣшай веселится моимъ людямъ! Не уже ли щитаешъ ты подчиненныхъ тебѣ рабами? Нѣтъ, нѣтъ, это мои Прусаки. Пойте, пойте, небось, любезныя мои дѣти*, продолжалъ говорить онъ солдатамъ, *я ничуть не хочу мѣшать вамъ въ вашихъ забавахъ*.,,

---

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1761 года, когда все войско стояло лагеремъ подъ Швейдницемъ, то Король не оставлялъ ходить каждый вечеръ вмѣсти съ Маркграфомъ *Карломъ* на нѣкое возвышенное мѣсто, находившееся предъ самымъ фронтомъ; гдѣ отдыхали они оба обыкновенно нѣсколько времени, лежа на со-

ломѣ. Въ одну нощъ, когда помянутый Маркграфъ заснулъ крѣпко, а Король не могъ никакъ между тѣмъ спать, то, оставя начлегъ свой, пошелъ онъ прямо къ ближайшему отъ того мѣста стоявшему на часахъ солдату, и началъ съ нимъ разговаривать: „*Здорово часовой*, сказалъ ему Король. Солдатъ тотъ, будучи уроженецъ изъ Поммераніи, и находясь еще не весьма давно при полку, не зналъ, слѣдственно, вовсе Короля въ лицо; чего ради, отвѣтствовалъ ему по просту, по обычаю всѣхъ Поммеранцевъ: „Здорово, Господинъ Копитанъ, щитая онаго за караульнего Капитана. — „*Погода теперь весьма прекрасна*, продолжалъ говорить ему Король. — „Подлинно такъ, Господинъ Копитанъ; куда бы гожо теперь выкурить трубочку тобачку.„ — „*Да для чегожъ и не такъ*, спросилъ у него Король? — „Для чево, спрашиваетъ онъ у меня! Ты вѣдаешъ то вить больше. Я боюсь штобъ не взъерошали мнѣ за то спины.„ — „*Ты сущій дуракъ*, сказалъ ему Король, *набей лишь свою*

трубку, я позволяю тебѣ то.,,—,,Ну, такЪ инЬ ладно же, я и впрямЪ набью ее.,, СолдатЪ тотЪ принялся подлинно тотчасЪ за работу, и началЪ себѣ благополучно курить табакЪ. Но какЪ все куриво изЪ оной стало ударять прямо Королю вЪ лицо, то оный перешелЪ немедлѣнно на другую сторону. —,,Што, БаринЪ, а ли табакЪ то тебѣ не по сердцу?,,—,,*Да, да! А сколь давно ты вЪ службѣ*, спросилЪ у него Король паки?— ,,СЪ самаго рабячества.,, —,,*ГдѣжЪ служилЪ ты прежде?*,,—,,Гдѣ! *у Крестьяна Берсмана*, а послѣ у невожЪ вЪ конюшнѣ.,,

Между тѣмЪ, какЪ уже скоро надобно было придти туда смѣны, то Король, хотя его оставить, сказалЪ ему: ,,*Кури, кури твою трубку, я уже иду прочь отсюда.*,, Послѣ того приказалЪ онЪ караульнему Офицеру сказать, чтобЪ оный, по смѣнѣ того часоваго, прислалЪ его кЪ нему. ОфицерЪ сей, не зная ничего, и щитая, что солдатЪ оный, стоя на часахЪ, непремѣнно сдѣлалЪ какой ни есть

проступокЪ, встрѣтилЪ его тотчасЪ весьма сурово, и началЪ у него спрашивать сЪ сердцемЪ, что онЪ такое сдѣлалЪ, будучи на часахЪ?—„ВотЪ! ВишЪ какой, говорилЪ солдатЪ тотЪ, онЪ менякЪ еще о томЪ спрашиваетЪ; а добро ка бы самЪ про то не вѣдалЪ ничево!„—„Тфу столбЪ какой! СказалЪ ему ОфицерЪ на то. Что мнѣ знать? Тебя требуетЪ сей же часЪ кЪ себѣ Король.„—„ВотЪ! Не по пустякамЪ же вить смѣкалЪ я то. Теперь такЪ ни про што ты вѣдать не хошЪ; а самЪ же, небось, велѣлЪ мнѣ то.„ ВЪ самое то время подошелЪ и Король туда же, и началЪ самЪ спрашивать того солдата: „*Для чего куришЪ ты табакЪ, стоя на часахЪ?*„ СолдатЪ сей, не давЪ на то никакого Королю отвѣта, обратясь тотчасЪ кЪ Офицеру и сморщась самЪ, началЪ говорить оному: „ВотЪ, вишЪ какой! Сперьва такЪ самЪ ты велѣлЪ мнѣ, а послѣ на менякЪ донесЪ!„—ПотомЪ продолжалЪ онЪ говорить и самому Королю: „Былое то дѣло, КормилецЪ! Я не запираюсь вЪ томЪ;

только Господинъ Копитанъ довелъ меня до тово.,, Король, принявъ на себя нарочно суровый видъ при семъ случаѣ, сказалъ ему притомъ: ,,*Чегожъ заслуживаешъ ты теперь за то?*,,—,,Ваше Величество, отвѣчалъ на то солдатъ, прислоня между тѣмъ руку свою къ уху, я право не вѣдаю тово.,,—,,*Тебя надобно прогнать за то сквозь строй*, сказалъ ему Король.—,,Ладно, вскричалъ потомъ солдатъ смѣло, обратясь къ Офицеру, теперь то выжарятъ обѣмъ намъ спины, поэтому; а все вить отъ твово раздобарованья.,, Король не могъ удержатся болѣе отъ смѣха при послѣднихъ словахъ простодушнаго сего Поммеранца, и приказалъ дать ему за то нѣсколько на вино денегъ.

При городѣ Лигницѣ осаждено было отвсюду все Прусское войско отъ *Дауна* и *Лаудона*, такъ что Австрїйсцы, судя по весьма выгодному своему положенїю, щитали уже Короля Прусскаго не иначе, какъ совершенно погибшимъ, по-

чему тотчасъ промчалась по всему ихъ войску слѣдующаго содержанїя поговорка: „Мѣшокъ уже совсемъ готовъ, куда посадя Короля Прусскаго со всѣми онаго солдатами, завяжемъ мы его накрѣпко.„ Хвастовство сїе Австрїйсцевъ дошло скоро и до самаго Короля также, который, разсказывая о томъ при столѣ своимъ Генераламъ, прибавилъ къ тому, смѣючись притомъ: „*Господа! Австрїйсцы говорятъ, подлинно, правду; только я постараюсь, полно, сдѣлать въ мѣшкѣ такую диру, которую они во всю свою жизнь исправить не въ силахъ будутъ.*„ Что самое здержалъ Король и въ самой вещи, разбивъ по нѣсколькихъ дняхъ *Лаудона* со всемъ онаго войскомъ.

Нѣкто изъ Гвардїонцевъ передоваго войска, которымъ предводительствовалъ самъ Король, купилъ себѣ нѣкогда ягодъ; но нашедъ ихъ потомъ не совсемъ еще зрѣлыми, вздумалъ онъ для препровожденїя времени кидать ими въ стоявшихъ впереди своихъ товарищей. Одинъ

изъ оныхъ, бывшїй въ переднемъ ряду, далъ ему между тѣмъ знакъ, бросить къ нему также одну таковую; чего ради, бросилъ онъ, во угожденїе оному, одну ягоду въ него изо всей мочи, которая попала однакожъ вмѣсто того въ самое Королевское плечо. Король, почувствовавъ сей ударъ, и недоумѣвая того, что бы было причиною нечаянной толикой боли, узналъ наконецъ отъ своего Адьютанта, что то была ягода. Тотчасъ велѣно было всѣмъ остановится на мѣстѣ, и Король приказалъ немедлѣнно изыскать тому виновника, котораго непреминули показать въ тужъ минуту находившїеся подлѣ него въ строю солдаты, и какъ Король казался тѣмъ крайнѣ прогнѣваннымъ, то всѣ пришли отъ того въ великой страхъ, не вѣдая, что изъ того последуетъ. Король, помолчавъ при семъ случаѣ нѣсколько, сказалъ потомъ сему преступнику: „*Тебѣ должно быть весьма крѣпкаго сложенїя, вижу я, что ты употребляешъ столь незрѣлыя ягоды: ибо, плечо мое чувствуетъ то до-*

вольно, что онѣ весьма крѣлки; почему совѣтую тебѣ впредъ покупать овощи гораздо зрѣлѣе, дабы не вредили онѣ и собственному твоему здоровью.,, Выговоря сїе, поѣхалъ Король улыбаясь отъ него прочь; Гвардїонецъ же тотъ не могъ даже оправится отъ страха во весь почти сей день.

Нѣкогда на походѣ въ Богемїю, предался въ одно время *Фридрихъ* толикому безпокойствїю, что препроводилъ онъ сряду цѣлыя три ночи безъ всякаго сна, не давая себѣ нисколько покою. Въ нѣкоторой деревнѣ, которая назначена была мѣстомъ общаго зборища всему войску, остановился тамъ Король въ крестьянской избѣ; но какъ просїявшее потомъ, послѣ великаго дождя, солнце сдѣлало воздухъ весьма прїятнымъ, то Король, обернувшись въ походный свой старый плащъ, пошелъ прямо въ огородъ, и легъ тамъ подъ одно большое яблонное дерево, находившееся неподалеку отъ проѣзжей дороги, спать. Между

тѣмъ, когда Король заснулъ лишь тамъ, одинъ изъ гусарскихъ Офицеровъ прискакалъ туда же въ самое то время съ извѣстiемъ, что Австрiйсцы атаковали Прусскiе передовые отводные караулы; и какъ дорога изъ поля лежала прямо чрезъ помянутый огородъ къ тому крестьянскому дому, въ которомъ расположился Государь, близь самаго того мѣста, гдѣ лежалъ Король на травѣ, то лошадь подъ Офицеромъ тѣмъ, скакавъ во всю прыть, забрызгала опочивавшему Монарху все лицо грязью такъ, что онъ отъ того проснулся. „*Ей! Съ чемъ ѣдешъ ты*, вскричалъ Король Офицеру тому въ слѣдъ? Офицеръ сей, увидя Государя отиравшего у себя съ лица грязь, испужавшись отъ того крайнѣ, скочилъ опрометью съ лошади, и началъ просить у него въ томъ прощенiя. Королю не хотѣлось того, по видимому, чтобъ Офицеръ примѣтилъ то, закричалъ ему громче еще прежняго: „*Я хочу, Сударь, знать, съ чемъ ты ѣдешъ, а не то, что ты сдѣлалъ.*„ — „Ваше Величество, не-

пріятели напали на наши передовые отводные караулы; а я отправленъ нарочно за тѣмъ, что въ такомъ случаѣ дѣлать приказано будетъ.,,—,,*Изрядно*, сказалъ на то Король, *пусть они защищаютъ себя; я буду самъ туда сей же часъ.*,, Послѣ того, всталъ онъ поспѣшно съ мѣста, приказалъ тотчасъ поспѣшать къ походу, велѣлъ между тѣмъ подать себѣ воды, и начавъ умывать у себя лице, сказалъ пришедшему къ кему въ то время Генералу *Цитену*: ,,*Бѣдный Офицеръ сей испужался, подлинно, крайнѣ, увидя то, какъ онъ отдѣлалъ меня ловко; но полно бѣднякъ этотъ ничуть не виненъ ни въ чемъ; да яжъ и самъ не остерегся на сей разъ.*,, Съ самаго того время замѣтилъ Король сего Офицера, и при первомъ случаѣ, когда оный отличилъ себя предъ протчими, что самое случилось не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ того, наградилъ онъ его военнымъ Орденомъ *Достоинства*.

Нѣкогда, во время фуражированія въ Богеміи, осмѣлился одинъ карабинеръ въ присудствіи самаго Короля отнять у крестьянина овцу, которой перерѣзавъ онъ горло, запряталъ ее потомъ въ свой кошель. Крестьянинъ, увидя его отъѣзжавшимъ уже и съ добычею своею съ того мѣста прочь, поднялъ наконецъ столь сильный крикъ, что Король, услыша то вскорѣ, приказалъ тотчасъ о причинѣ онаго освѣдомится. Немедлѣнно былъ сей крестьянинъ представленъ предъ лице Монарха, который не преминулъ разсказать Государю всего своего нещастія, то есть, что одинъ изъ его рейтаръ въ зеленой шапкѣ отнялъ у него овцу, и увезъ съ собою. Король, который и безъ того намѣренъ уже былъ ѣхать прочь оттуда, взялъ нарочно крестьянина сего съ собою, чтобъ оный моїъ показать ему самаго того рейтара. Отъѣхавъ лишъ шаговъ съ пятдесятъ впередъ, настигли они подлинно сего виноватаго; увидя же, что зарѣзанная овца торчала у него изъ кошеля

его, спросилъ у него тотчасъ Король съ гнѣвомъ: „*Зачемъ взялъ ты у него овцу?*„—„ Для того, что у насъ въ лагерѣ нечево ѣсть, отвѣчалъ Королю карабинеръ тотъ смѣло.—„*Чегожъ хочешъ ты, мужикъ, за твою овцу*, спросилъ потомъ Король у крестьянина?„—„Два гульдена, Ваше Величество.„ Король приказалъ выдать оному требуемыя имъ за овцу деньги; но карабинеръ, щитая, что кожа, голова, ноги и вся внутренняя овечья должны были непремѣнно вычтены быть изъ того числа, настоялъ въ томъ при семъ случаѣ, говоря, что все то можетъ крестьянинъ взять у него себѣ назадъ. Король не могъ удержатся отъ смѣха таковому торгу, отпустилъ отъ себя крестьянина, и сказалъ потомъ карабинеру тому: „*Слушай, оставь, пожалуй, впредь воровать овецъ; а не то, вить мнѣ будетъ то стоить всегда только двухъ гульденовъ; тебѣжъ, напротивъ того, нѣсколькихъ добрыхъ ударовъ палками.*„—„ Ваше Величество, отвѣчалъ ему на то карабинеръ,

впредь буду я всегда поступать при томъ такъ, чтобъ обѣимъ намъ ничего то не стоило.,, Королю понравился столь смѣлый отвѣтъ сей карабинера того, что приказалъ онъ ему тогда же, сверьхъ платы, за похищенную имъ овцу, дать еще на вино нѣсколько денегъ.

Въ одно время, при подобномъ же сему случаѣ, когда въ предѣлахъ города Швейдница всѣ съѣстные припасы равномѣрно также были весьма рѣдки, забрелъ одинъ драгунъ къ нѣкоторому крестьянину въ избу, который на ту пору вынималъ у себя изъ печи печеные хлѣбы: драгунъ сей, не упуская столь удобной для него оказіи къ поживкѣ, схватя два хлѣба безъ дальнихъ околичностей, направилъ тотчасъ съ ними лыжи. Крестьянинъ тотъ, тужа крайнѣ о своихъ хлѣбахъ, не преминулъ погнатся благимъ матомъ въ слѣдъ за драгуномъ, крича притомъ изо всей мочи. Въ самое то время, Король, возвращаясь съ рекогносцированія назадъ, наѣхалъ на

нихъ обѣихъ, и остановясь, спросилъ крестьянина о причинѣ толь усерднаго его за драгуномъ преслѣдованія. — „*Да осталось ли у тебя еще сколько ни есть хлѣба дома*, спросилъ у него Король, узнавъ причину всей его горести? — „Никакъ нѣтъ, Ваше Величество: этотъ самой служивой побралъ у меня ихъ всѣ.„ — „*Драгунъ*, вскричалъ потомъ Король, *отдай ему тотчасъ одинъ хлѣбъ назадъ*.„—„Ей, ей, Ваше Величество, мнѣ того никакъ исполнить не можно, отвѣчалъ на то Королю драгунъ; потому что оба хлѣба эти надобно мнѣ раздѣлить на семерыхъ человѣкъ.„ — „*Пожалуй же отдай сему Крестьянину одинъ изъ сихъ хлѣбовъ назадъ*, сказалъ ему Король весьма милостиво. *Севодниж ъ къ вечеру прибудутъ къ намъ фуры съ хлѣбомъ, и вы всѣ получите онаго на цѣлые на шесть дней*.„ — „А когда такъ, то это дѣло другое, сказалъ на то драгунъ. На же инъ возьми, мужикъ, одинъ хлѣбъ назадъ; а за другой заплачу я тебѣ охотно четыре гроша.„ —

,,*Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой,* сказалъ на то Король! *Вся вина тому лежитъ на мнѣ, что у васъ нѣтъ хлѣба; и для того плачу я одинъ за то.,,* Тотъ же часъ велѣль Король заплатить крестьянину за хлѣбы; а драгунъ получилъ также нѣсколько денегъ въ награжденїе за доброе онаго попеченїе о его товарищахъ.

Когда Король, то есть, вскорѣ по принятїи на себя правленїя Государствомъ, началъ дѣлать разныя прїуготовленїи къ войнѣ, дабы въ началѣ завоевать всю Силезїю, то Дворъ Вѣнскїй отправилъ отъ себя тогда же въ Берлинъ Маркиза *Ботту*, подъ предлогомъ поздравленїя яко бы Короля Прусскаго со вступленїемъ его на Престолъ. Сей самый *Ботта*, будучи весьма умный, а притомъ и лукавый человѣкъ, проникнувъ скоро всѣ Королевскїя мысли, по окончанїи обыкновенныхъ при таковыхъ случаяхъ привѣтствїй, обратилъ тотчасъ непримѣтнымъ образомъ разговоръ на предпрїемлемое имъ путешествїе, и опи-

ѣалЪ Королю всѣ дороги вЪ Силезіи столь дурными и отЪ наводненія толь попорченными, что едва даже и проѣзжими дѣлалЪ оныя. Король, притворясь при семЪ случаѣ, яко бы вовсе не примѣтилЪ сего намѣренія Маркизова, отвѣтствовалЪ ему на то слѣдующимЪ образомЪ: „*Наихудшее изЪ того для тѣхЪ, кои должны непремѣнно проѣзжать по симЪ дорогамЪ, состоитЪ, думаю я, единственно вЪ томЪ только, что они всѣ залачкаются.*„

При самомЪ же КоролевскомЪ отЪѣздѣ его кЪ войску, когда Король разсудилЪ за благо дать отпускную аудіенцію тому самому Маркизу, сказалЪ ему оный между прочимЪ: „Ваше Величество изволите раззорить весь ДомЪ Австрійскій, да и себя тутЪ же сЪ нимЪ вкупѣ.„ — „*Это зависитЪ отЪ одной лишЪ Королевы*, отвѣчалЪ ему на то Король, *то есть, или принять, или отвергнуть учиненныя ей мною предложеніи.*„ *Ботта*, задумавшись отЪ сихЪ словЪ, замолчалЪ было на нѣкоторое

время; но ободрясь потомъ паки, сказалъ наконецъ Королю съ насмѣшливымъ видомъ: „Государь! Я признаюсь Вамъ въ томъ, что войски Вашего Величества весьма прекрасны съ виду; наши отстоятъ дѣйствительно далеко отъ сего преимущества; однакожъ онѣ понаторѣли вмѣсто того съ лишкомъ довольно въ воинскомъ искуствѣ.„ — „*Когда щитаете Вы войски мои хорошими съ виду*, сказалъ ему Король съ видомъ неудовольствія своего, *то докажу я Вамъ, что оныя и храбры также не менѣе.*„

Принцъ *Ангалтъ-Дессавскій*, будучи весьма противныхъ мыслей съ Королемъ въ разсужденіи онаго предпріятія къ начатію войны, не оставилъ между тѣмъ и явно дѣлать сильнѣйшія со стороны своей возраженіи противъ того, такъ что сей самый его поступокъ показался наконецъ Королю даже опаснымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, дабы толь сильное онаго роптаніе не подѣйствовало сколько ни есть въ самомъ

войскѣ, которому довольно извѣстенъ былъ сей Принцъ со стороны великаго Полководца. Чего ради, Король, сочтя на сей случай за нужное пресѣчь въ самомъ началѣ всѣ имѣющія произойти отъ того непріятныя для себя слѣдствіи, приказалъ немедлѣнно всѣмъ Офицерамъ Берлинскаго Гарнизона собратся въ назначенное имъ мѣсто, и говорилъ онымъ слѣдующимъ образомъ:

„Господа Офицеры! Я намѣренъ предпринять войну, при чемъ однакожъ не имѣю я на сторонѣ моей никакихъ другихъ союзниковъ, окромѣ единой лишъ Вашей храбрости и добраго Вашего на то согласія. Причина моя къ тому справедлива впротчемъ довольно, и я полагаюсь притомъ совершенно на благопріятствующее мнѣ щастіе. Въ разсужденіи чего совѣтую я каждому изъ Васъ припамятовать теперь ту самую славу, которую преобрѣли Ваши предки подъ Варшавою, подъ Фербеллиномъ и при разныхъ производимыхъ Прусаками военныхъ произшествіяхъ. Вся участь

Ваша зависитъ отъ собственныхъ Ва-
шихъ рукъ. Чтожъ принадлежитъ до
преимуществъ и воздаянїй, то оныя по-
слѣдуютъ непремѣнно по слѣдамъ каж-
даго изъ Вашихъ мужественныхъ подви-
говъ; да мнѣ и ненужно вовсе возбуждать
болѣе въ сердцахъ Вашихъ любочестїя:
ибо, слава есть перьвый предмѣтъ Вашъ,
и достоинъ одинъ лишъ всего Вашего не-
усылнаго попеченїя. Вспомните, что мы
будемъ сражатся съ такими народами,
кои, состоя подъ управленїемъ Принца
Евгенїя, превозносились отъ всѣхъ наи-
величайшими почестями. Хотяжъ и нѣтъ
уже болѣе Принца сего въ числѣ живыхъ;
несмотря однакожъ на то предостанет-
ся намъ всегда безмѣрно много чести,
естьли только восторжествуете Вы надъ
храбрыми своими непрїятелями и поверс-
таете силы Ваши противъ толь искус-
ныхъ воиновъ. Итакъ, прощайте! Иди-
те впередъ, я не премину послѣдовать
Вамъ также немедлѣнно на сїе зборное
мѣсто чести, ждущей насъ отвсюду."

Вскорѣ потомъ, когда Король прибылъ въ городъ Кроссенъ, послѣдовало совсемъ нечаянно, что въ самый тотъ день упалъ съ высокой башни соборной церькви колоколъ, потому что та самая веревка, на которой онъ былъ повѣшенъ, згнила уже, по видимому, отъ продолжительнаго времени; но какъ тогдашнее суевѣріе людей почло случай сей весьма дурнымъ предзнаменованіемъ войны, то Король не упустилъ тотчасъ старатся всячески истребить вредное отъ того въ жителяхъ того мѣста впечатлѣніе, коимъ заразились весьма многія, употребя самъ суевѣріе сіе съ пользою въ иносказательномъ смыслѣ. „*Сей низпадшій колоколъ*, говорилъ онъ предстоявшимъ окрестъ его, *означаетъ нейное что, какъ самое униженіе тому самому, что прежде пребывало на самой вышинѣ; а какъ Домъ Австрійскій превознесъ уже себя столь много предъ Домомъ Бранденбургскимъ, то произшествіе оное есть очевидное предзнаменованіе всѣхъ преимуществъ, кои пре-*

обрящетъ несомнѣнно послѣдній изъ сихъ предъ первымъ.,,

Когда Король покорилъ своему оружїю всю Силезїю, то Королева Венгерская, желая предупредить опасныя для себя отъ того слѣдствїи, препоручила Аглинскому Послу *Робинсону*, пребывавшему тогда при ея Дворѣ, сдѣлать Королю Прусскому предложенїе къ примиренїю обоихъ Державъ. Человѣкъ сей, будучи сильно порабощенъ всѣмъ интересамъ сея Государыни, предлагалъ о томъ Королю съ своей стороны съ великою важностїю. По окончанїи же имъ сей величавой речи, отвѣтствовалъ оному Король, который имѣлъ особливое дарованїе весьма легко проникать во все, въ томъ же самомъ видѣ слѣдующимъ образомъ:

,,Обладатели Государствъ безъ прилѣпленїя къ чести, могутъ удобно наисправедливѣйшее свое дѣло промѣнять на деньги. Итакъ, чинимыя Вами теперь мнѣ предложенїи, почитаю я несра-

вненно безчестнѣе, нежели самый безпримѣрно надмѣнный поступокъ Вѣнскаго Двора. Все мое войско почло бы меня безъ сомнѣнія весьма недостойнымъ въ послѣдованіи тому самому; а наипаче тогда, когда бы я какимъ либо предосудительнымъ примиреніемъ обратилъ въ ничто всѣ тѣ преимущества, кои преобрѣло оно мнѣ мужественнѣйшими подвигами, содѣлавшими его безсмертнымъ, такъ сказать. А сверьхъ того и не могъ бы я, не учиня наигнуснѣйшей неблагодарности, оставить паки моихъ новыхъ подданныхъ, всѣхъ Протестантовъ, коихъ совокупныя желанія призываютъ меня сюда. Развѣ предоставить ихъ мнѣ, на подобіе пагубнѣйшихъ жертвъ, крайнему неистовству оныхъ гонителей? Но какъ можно мнѣ отступить нынѣ отъ искренней любви къ честности и праводушію, врожденныхъ мнѣ добродѣтелей сихъ? Да естьлибъ и сроденъ я былъ, положимъ, къ какому либо столь безчестному и столь поносному дѣлу, то и тогда бы долженъ я былъ представить

себѣ, что тѣни предковъ моихъ предстанутъ изъ могилъ своихъ немедлѣнно предъ мои очи, и скажутъ мнѣ всѣ единогласно: Нѣтъ, нѣтъ, кровь наша престала уже течь болѣе въ твоихъ жилахъ; тебѣ слѣдовало бы поборать всѣми силами правоту; но ты продаешъ ее вѣроломно! Ты помрачаешъ всю славу, которую оставили мы тебѣ драгоцѣннѣйшимъ залогомъ нашего стяжанія. Нестоющій вовсе ни быть, ни называтся Государемъ, скажутъ, говорю, они мнѣ, есть ты ничто иное, какъ токмо преисполненный коварства торгачь, предпочитающій всякую корысть чести. Чего ради, не допущу я никакъ поносить себя кому либо подобными сему упреками. По истиннѣ, хочу я лучше погребсти самаго себя и все мое войско купно подъ развалинами Силезіи, нежели допущу до того когда, чтобъ честь и слава имени Пруссовъ замараны были хотя малѣйшимъ пятномъ какимъ либо.„

При происходившемъ въ 1754мъ году подъ городомъ Берлиномъ генеральномъ осмотрѣ войскъ Пруссkихъ, понравился Королю паче всѣхъ полковъ, бывшихъ въ то время тамъ въ строю, керасирскій полкъ Принца Прусскаго. Опытъ крайняго своего удовольствія, ощущаемаго имъ отъ того, доказалъ онъ отличнымъ образомъ надъ Генералъ-Маіоромъ *Дризеномъ*, который былъ тогдашнимъ начальникомъ того самаго полка. Ибо, подъ вечеръ того же еще дня получилъ Генералъ сей отъ Тайнаго Совѣтника *Кеппена* письмо, которымъ увѣдомлялъ его оный, что Королю угодно было подарить ему 2000 Рейхсталеровъ; и когда помянутый Генералъ въ послѣдующій потомъ день началъ благодарить за то Короля, то Государь сей, взявъ онаго за руку, и посмотря на него съ пріятнымъ видомъ, сказалъ ему притомъ: „*Твое усердіе къ службѣ заслуживаетъ награждено быть болѣе; эта малость не значитъ ничего; я конечно не оставлю усугубить благодарности*

моей тебѣ за то, Возлюбленный мой!,, Что и подлинно исполнилъ онъ не замедля, потому что въ тотъ же день получилъ *Дризенъ* своеручное отъ Короля письмо, коимъ пожаловалъ онъ ему главное надъ всемъ въ Остеродѣ начальство, доставляющее ежегоднаго дохода до 500 Рейхсталеровъ съ присовокупленіемъ еще къ тому годовой пенсіи 1000 Талеровъ.

Самый же сей Генералъ *Дризенъ*, будучи нѣкогда для набора солдатъ въ Вестфаліи, прижилъ тамъ съ нѣкоторою Особою сына, о воспитаніи коего не прилагалъ онъ нималѣйшаго даже попеченія. Но братъ его, бывшій тогда въ гарнизонѣ города Везеля, нашедъ нечаяннымъ образомъ сего ребенка, и взявъ онаго къ себѣ, воспиталъ его на ровнѣ съ своими дѣтьми, который въ послѣдствіи времени сдѣланъ былъ, по согласію на то Генерала Графа *Доны*, Юнкеромъ при онаго ротѣ. Между тѣмъ, по прибытіи Короля въ городъ сей, спросилъ нѣкогда *Фридрихъ* молодаго сего

человѣка, увидя его въ перьвый еще разъ, кто онъ таковъ, и кто онаго отецъ?— Графъ *Дона*, взявшись за него отвѣчать, назвалъ по имени и отца его, бывшего тогда еще Полковникомъ:—,,*Давить у Дризена нѣтъ дѣтей, помнится мнѣ*, сказалъ на то Король поспѣшно. —,,Онъ его побочный сынъ, Ваше Величество, отвѣчалъ *Дона*.—,,*Что до того нужды*, продолжалъ говорить Король, *отецъ его исправный воинъ. Пусть будетъ онъ Офицеромъ и законнорожденнымъ; лишь бы только Полковникъ не зналъ о томъ ничего*.,, Спустя потомъ съ годъ времени, предъ самымъ почти началомъ семилѣтней войны, произведенъ былъ сей молодой человѣкъ Порутчикомъ, и получилъ вскорѣ повелѣніе явится немедлѣнно въ Потсдамъ, гдѣ находился и Полковникъ, отецъ его, также, который пожалованъ уже былъ Генераломъ. Нѣкогда при столѣ спросилъ между прочимъ Король у сего Генерала: ,,*Сколько человѣкъ мужеска пола находится еще въ живыхъ изъ твоей фами-*

лїи?,, — ,,Насъ два брата и одинъ мой племянникъ только, Ваше Величество, отвѣчалъ на то *Дризенъ*. — ,,*Послушай пожалуй*, сказалъ потомъ Король, *ты хотя и добрый человѣкъ; но дурной притомъ отецъ, потому что не знаешъ собственныхъ своихъ дѣтей, чего бы впрочемъ не думалъ я отъ тебя никакъ*.,, Генералъ сей началъ было запиратся въ томъ, что у него нѣтъ никакихъ дѣтей; но Король пресѣкъ тотчасъ слова его, сказавъ ему притомъ: ,,*Конечно есть у тебя сынъ, знаю я*.,, Потомъ взялъ Король съ виномъ рюмку, и поднося оную тому Генералу, приказалъ ему выпить изъ нее за здоровье Капитана *Дризена* Гордшекаго полку. Между тѣмъ, позванъ былъ сей новопожалованный въ переднїй покой, а потомъ, по выходѣ изъ за стола, приказано ему было и туда войти, гдѣ находилось все собранїе. Король, взявъ его при семъ случаѣ за руку, и подводя онаго къ его отцу, сказалъ сперьва сыну: ,,*Будь, Другъ мой, столь же во всемъ*

исправенъ, какъ и твой отецъ; а наконецъ и отцу: „*А ты возьми, пожалуй, теперь къ себѣ своего сына, и снаряди его всемъ, какъ должно.*„ Послѣ того вышелъ Король оттуда вонъ, оставя все бывшее тамъ собранiе въ крайнемъ удивленiи и всѣхъ чувствительно тронутыми отъ сей невображаемой никѣмъ сыгранной имъ штуки. По прiѣздѣ же Генерала къ себѣ въ квартиру, нашелъ онъ тамъ уже готовымъ отъ Короля подарокъ, состоявшiй въ 2000 Талерахъ, назначенныхъ къ снаряду онаго паки обрѣтеннаго имъ сына.

Впротчемъ, при перьвомъ случаѣ, по открытiи военныхъ дѣйствiй, когда неустрашимый Гардскiй полкъ, сразясь крѣпко съ непрiятелемъ, находился уже отовсюду въ престрашномъ огнѣ, примѣтилъ тамъ скоро Король одного молодаго Офицера, подвизавшегося съ отличною предъ протчими смѣлостiю. Онъ не преминулъ тотчасъ спросить о его имени; но какъ никто не зналъ Королю ничего сказать объ немъ, то приказалъ

онЪ, чтобЪ ОфицерЪ тотЪ, естьли останется по окончанїи того сраженїя вЪ живыхЪ, явился немедлѣнно кЪ нему вЪ главную квартиру. Повелѣнїе сїе исполнено было во всякой точности; ОфицерЪ тотЪ предсталЪ по окончанїи дѣйствїя предЪ лице Монарха, который, увидя лишЪ онаго, сказалЪ ему тотчасЪ сЪ видомЪ весьма прїятнѣйшимЪ: „*Ну, теперь то вижу я, подлинно, что не ошибся я вЪ томЪ никакЪ, что ты послѣдуешЪ по стопамЪ твоего родителя: все сїе предузналЪ я, по истиннѣ, уже впередЪ вЪ тебѣ.*„ ВЪ тожЪ самое время пожаловалЪ его Король МаїоромЪ вЪ такой полкЪ, который назначенЪ былЪ противЪ ШведовЪ; но будучи при ономЪ, прекратилЪ вскорѣ неустрашимый сей воинЪ теченїе храбрыхЪ своихЪ подвиговЪ: ибо, получа вЪ нѣкоторомЪ сЪ непрїятелями жестокомЪ сраженїи ровно одинадцать себѣ ранЪ, умерЪ онЪ наконецЪ вЪ прежалостномЪ состоянїи.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ семилѣтней войны пріѣхалъ нѣкогда Король верьхомъ подъ вечеръ совсемъ нечаянно въ Шарлоттенбургъ, гдѣ при самомъ даже въѣздѣ въ перьвую улицу того замка жилъ на квартирѣ одинъ полковый трубачь, котораго Король зналъ довольно. Приказавъ вызвать онаго къ себѣ, велѣлъ онъ ему тотчасъ принесть свою трубу и начать трубить въ нее тревогу, заставя его притомъ слѣдовать за собою чрезъ нѣсколько улицъ. Жившіе тамъ Конногвардейцы, услыша гласъ трубы той, бросились опрометью въ свои конюшни, начали немедлѣнно сѣдлать своихъ лошадей, и скакать потомъ благимъ матомъ одинъ за однимъ на парадное мѣсто того замка, на которомъ остановясь Король, взиралъ съ удовольствіемъ на все ихъ проворство. Когда уже все было тамъ въ наилучшемъ порядкѣ, и построившіеся рейтары ожидали только повелѣнія, что имъ дѣлать будетъ приказано, то прискакалъ туда же наконецъ одинъ пре-

старѣлый Конногвардеецъ, и подъѣзжая ко фронту, началъ между тѣмъ спрашивать довольно громко: „Что за чортъ! Да гдѣжъ пожаръ? Я торопясь сюда, чуть чуть не сломилъ было шеи себѣ; а вмѣсто того ничево не вижу.„ Король, слыша слова его, сказалъ ему на то съ пріятною улыбкою: „*Мнѣ хотѣлось лишь посмотрѣть на васъ, проворны ли вы на лошадяхъ вашихъ.*„—„Вотъ еще нелегкія какія затѣи, продолжалъ говорить тотъ рейтаръ. Я въ поле никогда не бывалъ послѣднимъ; здѣсь же нѣтъ въ томъ, право, нималой нужды: приучать къ этому хорошо вить молодыхъ ребятъ, а не такихъ стариковъ, каковъ я.„—„Перестанешь ли ты болтать, вскричалъ на него потомъ съ сердцемъ Ротмистръ его *Посадовскій?*„ Но Король сказалъ оному на то: „*Пожалуй не трогай сего заслуженаго старика; онъ говоритъ сущую правду. Впредь нѣтъ тебѣ никакой нужды выѣзжать въ строй, когдабъ ни трубили тревогу; ты уже устарѣлъ и ухилѣлъ къ тому.*

За твое же искренное чистосердечіе, вотъ тебѣ Фридрихсдоръ, другъ мой!,,

---

Въ 1767мъ году, когда Король находился при осмотрѣ своихъ войскъ въ Силезіи, вышли въ то время двое изъ перьваго баталіона его Гвардіи между собою на поединокъ, изъ коихъ одинъ назывался *Ништедтомъ*, а другій *Кейзеромъ*, что на Нѣмецкомъ языкѣ значитъ Императора. По окончаніи ихъ сраженія, перьвый изъ нихъ отправленъ былъ въ больницу, послѣдній же взятъ подъ стражу. Сколь скоро возвратился Король паки въ Потсдамъ, то тотъ же часъ донесено ему было и о семъ произшествіи, за что разгнѣвался онъ крайнѣ. *Кейзеръ* сей потребованъ былъ немедлѣнно предъ Монарха, который, встрѣтя онаго съ весьма суровымъ видомъ, сказалъ ему потомъ: „*Ей ты, Кейзеръ! Что ты напроказничалъ тамъ? За твои шалости велю я наказать тебя жестоко.,,* — „Того то и не боюсь я, Ваше Величество, отвѣчалъ на то *Кейзеръ* спокойнымъ

образомъ. — „*Почему такъ, шалунъ*, спросилъ у него Король съ вящимъ предъ прежнимъ восторгомъ? — „Потому что Императоръ съ Королемъ Прусскимъ пребываетъ въ добромъ согласіи, и оба они между собою искренніе друзья, отвѣтствовалъ *Кейзеръ*. Король, разсмѣявшись по неволѣ при сихъ его словахъ, сказалъ ему наконецъ: „*Императору не льзя однакожъ на вѣрно полагатся въ томъ на Короля Прусскаго, естьли сдѣлаетъ онъ нѣчто дурное. Ну, добро! На сей разъ освобождаю я тебя безъ наказанія; только, смотри, берегись впередъ, чтобъ не досталось тебѣ потомъ вдвое, когда уже знаешъ ты довольно мои мысли.*„

Одинъ изъ двенадцати Королевскихъ Лейбъ-егерей получилъ себѣ нѣкогда надзирательское мѣсто надъ лѣсами въ . . ., котораго, при осмотрѣ въ одно время войскъ Прусскихъ, удостоилъ Король своимъ посѣщеніемъ въ онаго домѣ. „*Ну, доволенъ ли ты нынѣ своимъ состояніемъ*, спросилъ у него Король, при са-

момъ началѣ своего разговора съ нимъ? —„Я благодарю за то Бога, отвѣчалъ на то Надзиратель, что Ваше Величество изволили мнѣ изъ милосердія пожаловать насущный хлѣбъ подъ старость; только — (При семъ словѣ пожалъ Надзиратель сей своими плечами.) — „*Чтожъ значитъ это только*, продолжалъ спрашивать у него Король? „*Мнѣ бы казалось, что тебѣ очень можно довольнымъ быть.*„ — „Подлинно такъ, Ваше Величество, отвѣчалъ на то помянутый Надзиратель; но домишка та мой такъ уже плохъ, что безпрестанно долженъ я страшится того, чтобъ не опрокинулся оной, и не задавилъ бы меня самаго.„—„*Въ этомъ помочь не могу я уже тебѣ болѣе*, сказалъ ему Король. *Тебѣ слѣдуетъ отнестись о томъ къ Курмаргской Палатѣ въ Берлинѣ.*„ — „Я уже и такъ писалъ въ Палату сію трожды; но и понынѣ не получалъ еще оттуда никакого отвѣта.„—„*Да, это не ловко! Да какъ же писалъ ты туда, скажи мнѣ, пожалуй*, спросилъ у него Король?—„Точно также,

отвѣчалъ Надзиратель, какъ бы я писалъ и къ Вашему Величеству: то есть, Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Государь и проччее, и проччее.„—„*Такъ и на то еще нѣтъ тебѣ отвѣта*, сказалъ Король?— *Фридрихъ*, прошедъ потомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по горницѣ, приказалъ наконецъ Надзирателю подать перо, чернилъ и бумаги. „*Начни теперь опять писать такъ же, какъ писалъ ты и прежде*, продолжалъ говорить ему Король, *то есть. Всепресвѣтлѣйшій и такъ далѣе; а я буду тебѣ сказывать. Его Величество, Король повелѣваетъ симъ Вашему Величеству непремѣнно все жилое строеніе такого то Надзирателя надъ лѣсами именно въ такомъ то мѣстѣ отъ сего числа впредь въ четыре мѣсяца исправить какъ надлежитъ; въ противномъ же тому случаѣ, увѣряетъ съ своей стороны Его Величество Ваше Величество, что разсыплется надъ главою Вашею вся грозная туча*„„ При сихъ словахъ пришелъ Надзиратель сей въ крайнѣе замѣшательство, щитая,

что онъ непремѣнно отъ того погибнуть долженъ, потому что Палата та поставитъ ему то самое не иначе, какъ въ совершенное ругательство себѣ.—„*Пожалуй оставь меня о томъ заботится*, продолжалъ говорить ему Король, *обмокни лишь только перо въ чернилы, и подай мнѣ сїе представленїе*.„ По учиненїи того Надзирателемъ тѣмъ, написалъ Король на краю той самой бумаги: „*Естьли не увижу я, по возвращенїи моемъ паки сюда, начала къ исполненїю прозьбы Надзирателя, то не преминетъ съ Вашимъ Величествомъ поговорить о томъ лично самъ*

Фридрихъ.„

Палата, получа сїе письменное прошенїе, не стала никакъ болѣе мѣшкать надлежащимъ къ тому распоряженїемъ, отправивъ туда тотчасъ нарочныхъ людей за тѣмъ по почтѣ, такъ что Король, возвратясь паки въ то мѣсто, нашелъ уже тамъ все во всякой готовности, къ произведенїю повелѣнїй его въ дѣйствїе.

Съ нѣкоторымъ гранодеромъ изъ перьваго баталїона Гвардїи, по имени *Буллїономъ*, а природою Италїянцемъ, шучивалъ Король весьма часто, чрезъ что самое учинился оный наконецъ чрезвычайно смѣлымъ: ибо, сколь скоро рожала лишъ его жена, то всегда подавывалъ онъ Королю просительное письмо, убѣждая его онымъ быть новорожденному у него мальчику воспрїемникомъ, не смотря на то, что вмѣсто онаго бывала иногда и дѣвочка. Съ подобными сему прошенїями покушался онъ предъ Короля являтся столь часто, сколь часто не доставало лишъ у него денегъ. Въ одно время, предсталъ онъ паки предъ Государя съ таковою же прозьбою, и просилъ онаго по обыкновенїю воспрїять у него отъ купели младенца. „*Поди, поди отъ меня прочь*, сказалъ ему на то Король; *твоя жена ничуть не брюхата, знаю я: пожалуй не ожидай отъ меня ничего*.„ Такимъ образомъ, принужденъ былъ *Буллїонъ* на тотъ разъ идти ни съ чемъ домой; но

по нѣсколькихъ дняхъ появился онъ опять, говоря притомъ Королю: „Дорогой Кумонекъ, я имѣю нужду въ деньгахъ.„—„*Пошелъ прочь*, сказалъ ему въ отвѣтъ Король, *у меня нѣтъ для тебя денегъ*.„ *Булліонъ*, не трогаясь однакожъ съ мѣста, продолжалъ говорить: „По меньшей мѣрѣ ссудите меня, Ваше Величество, хотя подъ мое обязательство, двумя червонцами.„—„*Да съ собою ли у тебя оно*, спросилъ у него Король? —„Оно при мнѣ, Государь, отвѣчалъ гранодеръ тотъ.—„*Ну, такъ инъ подай же его сюда*, сказалъ ему Король. *Булліонъ* получилъ подлинно просимые имъ тѣ два червонца; а Король взялъ у него къ себѣ его письменное обязательство. Между тѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, когда уже со всѣми иностранцами, состоявшими у него въ службѣ вышелъ срокъ его съ ними условія, приказалъ Король подать себѣ о всѣхъ таковыхъ людяхъ списокъ, и нашедъ тамъ въ числѣ протчихъ имя *Булліоново*, спросилъ тотчасъ у Фельд-

вебеля, представившего ему оный: „*Какъ! Развѣ у Буллїона есть обязательство?*„— „Есть, Ваше Величество, отвѣчалъ на то Фельдвебель. Король не переставалъ однакожъ утверждать, что у него онаго нѣтъ; а дабы подтвердить то еще болѣе, то позванъ былъ и гранодеръ тотъ туда же. Король спросилъ потомъ паки Фельдвебеля: „*Какъ давно служитъ онъ?*„—„Двадцать четыре года, Ваше Величество, отвѣчалъ оный. —„*Чему подвергаетъ себя тотъ солдатъ, который закладываетъ собственное свое обязательство*, продолжалъ спрашивать Король у Фельдвебеля?—„Двадцать четыре раза пробѣжать сквозь строй, и лишенъ быть всѣхъ правъ по сему обязательству, отвѣчалъ Фельдвебель. —„Ну! Господинъ Фельдвебель, спросилъ потомъ *Буллїонъ*, подступя по ближе къ оному, скажижъ мнѣ теперь, что заслуживаетъ тотъ, который подъ таковое обязательство ссужаетъ деньги?„—Король, не могши удержатся отъ смѣха при таковомъ вопросѣ, при-

знался, что и онъ не правъ съ своей стороны также. „*Нажъ инъ возьми назадъ свое обязательство*, сказалъ ему потомъ Король, *только впредь не подъѣзжай ко мнѣ, пожалуй, съ такими финтами.*„

Не всегда впрочемъ упускалъ охотно Король каждому всякія шутки; а наипаче такія, кои преступали предѣлы должнаго къ нему уваженія. Въ нѣкоторое время приказалъ Король быть въ Потсдамъ четверымъ театральнымъ плясунамъ, потому что ожидалъ онъ туда многихъ гостей, для которыхъ нарочно приуготовлено было именитое торжество; и какъ оные, по прибытіи ихъ туда, должны были непремѣнно прописать у городскихъ воротъ свои имена, то вздумалось имъ тогда стоявшему тамъ на караулѣ Унтеръ-офицеру, вмѣсто настоящихъ своихъ имянъ, пересказать начальныя строки извѣстной старинной Французской пѣсни. Чего ради, одинъ изъ нихъ назвалъ себя ma commere, другій quand je danſe, третій

mon cottilion, а четвертый vat' - il bien. Унтеръ-офицеръ тотъ не преминулъ записать отъ слова до слова все то, что лишъ ни сказывали ему Господа сіи. Король, получа между тѣмъ въ вечеру рапортъ отъ сего Унтеръ-офицера, хотя и смѣялся таковымъ затѣямъ сихъ пропищиковъ; но велѣлъ однакожъ сказать имъ: „*Что естьли впредь вздумаютъ они когда либо пошутить съ нимъ такимъ же образомъ, то онъ заставитъ ихъ всѣхъ проплясать прямо въ Спанду*.„

Не безъизвѣстно то, что *Фридрихъ* отлично отъ всѣхъ протчихъ собакъ жаловалъ наипаче родъ борзыхъ: нѣкоторыхъ изъ его любимѣйшихъ держалъ онъ всегда при себѣ; а другія напротивъ того препоручены были подъ особливый присмотръ придворнаго ловчаго и представляемы Королю токмо тогда, когда бывало угодно ему то приказывать. Однимъ вечеромъ вздумалось Королю для забавы сыграть шутку; чего ради, приказалъ онъ тому ловчему всѣхъ

сихъ собакъ собравъ привести къ себѣ въ покой, дабы нарочно хорошенько ихъ тамъ попотчивать. *Дїянна*, молодая и весьма рѣзвая изъ всѣхъ оныхъ собака, была перьвая около блюда: она, схватя тотчасъ цѣлую зажареную курицу, вскочила съ нею къ Королю на колѣни, и потомъ на столъ, на которомъ обыкновенно писывалъ Король, гдѣ положила она весь свой великолѣпный ужинъ на самое то письмо, которое только что окончалъ тогда Король къ бывшему въ то время въ Штетинѣ Ландрату *Гибнеру*, коего почиталъ онъ весьма много за великїя его знанїи и особливое праводушїе. Вся та бумага запачкалась тотъ же часъ отъ сала, чему смѣючись Король, сказалъ притомъ: „*Пошла прочь, Дїянна! Ты напоминаешъ только мнѣ о томъ, чтобъ я по жирнѣе сдѣлалъ письмо; а до того тебѣ нѣтъ дѣла, что мнѣ то стоитъ денегъ. Пошла, пошла долой!*„ Послѣ того взялъ Король паки перо, и написалъ еще на краю онаго письма слѣдующее:

„Любезный Ландратъ! Письму сему должно и надобно быть, по видимому, жирну; слово слово таковымъ, каковымъ оно есть теперь подлинно. Моя Діянна напамятовала мнѣ о томъ; чего ради, прими, пожалуй, препровождаемые при семъ 100 Фридрихсдоровъ отъ доброжелательнаго своего Короля

Фридриха.„

Въ первомъ баталіонѣ Королевской Гвардіи находился одинъ Порутчикъ, по имени *Борнъ*, который нерадивъ былъ до того къ службѣ, что не выходилъ почти то за то, то за другое упущеніе въ своей должности изъ подъ стражи, такъ что, соскуча наконецъ тѣмъ, рѣшился онъ нѣкогда подать самому Королю письменное прошеніе, коимъ просилъ перемѣстить его въ какой ни есть армейскій полкъ Капитаномъ. Король, читая оное, и смѣючись тому, подписалъ на семъ своеручно слѣдующее:

„На кругѣ сей земли,
Никто добра о насъ обѣихъ не услышетъ;
Порутчикъ Борнъ внемли,
Все это подлинно съ досадой къ тебѣ пишетъ

Фридрихъ.„

Бывшій при Королѣ Камеръ-лакѣемъ *Миллеръ*, сидя нѣкогда въ прихожей горницѣ подлѣ Королевскаго покоя, читалъ книгу подъ названїемъ о *Орлеанской Дѣвѣ.* Король, вошедъ туда совсемъ нечаянно, и увидя его тѣмъ занимавшимся, спросилъ тотчасъ у *Миллера*: *„Что ты тутъ дѣлаешъ съ этимъ безмозглымъ враньемъ?„* — „Ваше Величество, отвѣчалъ на то *Миллеръ*, такъ по этому творецъ оной книги не имѣлъ у себя вовсе мозга?„ — *„Прямой ты невѣжа, какъ вижу я,* сказалъ ему потомъ Король; *ты судишъ о томъ такъ, какъ слѣпой о красках.„* При окончанїи сихъ словъ пошелъ *Миллеръ* изъ покоя вонъ, и идучи оттуда, сказалъ притомъ Королю: „Я вижу то и вправду, Ваше Величество, что отъ одного слова родятся напослѣди многїя; а отъ спора съ Вами я прочь, по-

тому что Вы все таки одержите всегда надо мною верьхъ.„ Послѣ того вышелъ онъ поспѣшно изъ той горницы вонъ, и побѣжалъ опрометью, поючи про себя, внизъ по лѣсницѣ. Вскорѣ потомъ пришелъ къ Королю Полковникъ *Квинтусъ*, которому расказалъ Король, смѣючись, все сїе произшествїе, присовокупя еще къ тому слѣдующее: „*Подлинно Миллеръ преблагополучное творенїе*, говорилъ Король *Квинтусу! Какую бы правду ни говорилъ лишъ я ему, онъ все тому смѣется; и какъ бы ни бранилъ я его за что, онъ только что поетъ себѣ; а все для того, что не хочетъ входить со мною въ споръ. Ахъ! Естьлибъ весь свѣтъ мыслилъ противъ меня столь же миролюбиво*.„

Сей же самый Камеръ-лакѣй *Миллеръ* долженъ былъ подать Королю нѣкогда полный стаканъ воды: когда Король принялъ отъ него оный, то въ самое то время вошелъ къ Королю въ покой Полковникъ *Квинтусъ*; а лакѣй вышелъ между тѣмъ оттуда вонъ. „*Хорошо, что*

ты пришелъ теперь сюда, сказалъ Король, увидя сего Полковника: *я дамъ тебѣ прочитать для меня нѣчто.,,* Король, схватя потомъ лежавшую на столѣ бумагу, дабы подать ее *Квинтусу,* здернулъ притомъ на полъ и стаканъ съ водою, который онъ поставилъ самъ невзначай на самую ту бумагу. По воспослѣдованіи того, кликнулъ Король тотчасъ опять къ себѣ *Миллера,* и началъ его бранить жестоко за великую онаго неосторожность въ постановленіи такъ стакана, что оный могъ легко упасть со стола. Когда же *Миллеръ* покусился было говорить тогда нѣчто въ свое оправданіе, то Король, прогнѣвавшись еще пуще, сказалъ ему съ сердцемъ, чтобъ онъ немедлѣнно вышелъ вонъ. *Миллеръ,* повинуясь сему приказанію, пошелъ оттуда поспѣшно въ крайнемъ уныніи. Но *Квинтусъ,* не хотя оставить далѣе о томъ въ сомнѣніи, осмѣлился съ своей стороны предложить Королю всю истинну того случая: ,,Ваше Величество, сказалъ онъ, простите мнѣ великодушно мою

въ томъ дерзость, естьли осмѣлюсь я подтвердить теперь то самое, что Вы Сами изволили поставить точно на это мѣсто стаканъ съ водою.—,,*Не впрямъ ли это такъ*, спросилъ у него Король съ удивленіемъ?—,,Подлинно такъ, отвѣчалъ *Квинтусъ*.—,,*Ну, такъ по этому крайнѣ же я обидѣлъ бѣднаго Миллера*, сказалъ Король. *Вели, пожалуй, войти ему опять сюда*.,, —,,*Слушай*, продолжалъ говорить Король *Миллеру, теперь узналъ я, что я самъ поставилъ тутъ стаканъ съ водою; итакъ, ты ничуть невиноватъ въ томъ. Да полно для чегожъ не сказалъ ты мнѣ того тотчасъ?*,, —,,Ваше Величество, отвѣтствовалъ на то Камеръ-лакѣй, я сказалъ Вамъ лишъ только, что это произошло отъ одной неосторожности.,, —,,*Ты, совершенно правъ*, повторилъ ему паки Король, улыбаясь притомъ. *Самъ я, подлинно, не остерегся въ томъ; слѣдовательно, мнѣ не на тебя, а на самаго себя должно сердится за то*.,,

Продолженіе Писемъ ФРИДРИХА IIго къ Маркизу д'Аржану.

Письмо 26е.

Въ письмѣ Вашемъ, любезный мой *Маркизъ*, изволите Вы забавлятся надъ моими куріерами. Нещастіе то, правда, что не все течетъ такъ поспѣшно, какъ бы хотѣлось мнѣ того, по истиннѣ. Съ Россіянами заключили мы уже миръ, что для меня весьма полезно въ самой вещи; но полно миръ сей попрепятствовалъ съ другой стороны вмѣсто того моимъ дѣламъ въ Константинополѣ. Къ тому потребно, подлинно, весьма многаго, чтобъ довести толико умовъ подъ одно ярмо, а наипаче, чтобъ согласить другъ съ другомъ столь многія противообразныя между собою выгоды. Всѣ вообще пекутся о согласіи, все время проходитъ въ томъ, а мы не можемъ между тѣмъ выкорапатся вовсе изъ хлопотъ. Сверьхъ

шого, Ташары не менѣе шакже гошовы къ походу, коихъ всегда до сша шысящъ полагашь слѣдуешъ; къ шомужъ и шого чаяшь надобно, чшо и прошчїя не преминушъ шакже послѣдовашь, сколь скоро лишъ заманишъ сихъ во всю игру.

Образъ мыслей Вашихъ похваленъ, исшинно; но къ шому пошребны полно совсемъ особыя средсшва, какъ упошребишь оный съ пользою. Главное зашрудненїе состоишъ болѣе въ шомъ, чшобъ сокрашишь лишъ прошивную силу; прошчеежъ все легко можно исполнишь. При всякомъ мысленномъ расположенїи шагаюшъ обыкновенно люди весьма поспѣшно, любезный Маркизъ, знаю я; но сколь скоро надобно будешъ произвесши шо самое въ дѣйсшво, шо сплошъ идешъ все чрезъ чуръ медлишельно, по елику на пуши семъ всшрѣчаюшся шысящи различныхъ зашрудненїй. Чего ради, предаю я себя охошно произволу судьбы, кошорая управляешъ всемъ свѣшомъ по своей волѣ: ибо, полишики и рашоборцы, обои вкупѣ, сушь насшоящїя шокмо на

проволокѣ устроенныя куклы Провидѣнія, предпочтенïемъ коихъ предъ всемъ, яко необходимо нужныхъ дѣйствующихъ орудïй невидимой Мышцы, не вѣдаемъ мы сами, что дѣлаемъ; потому что самое послѣдствïе всѣхъ нашихъ старанïй бываетъ нерѣдко прямо противнымъ всему нашему ожиданïю. Слѣдовательно, я предоставляю дѣламъ свободное во всемъ теченïе, какъ угодно Всевышнему, работаю въ потемкахъ, и стремлюсь употреблять съ пользою всѣ благопрïятные случаи, сколь скоро лишъ появляются оные. Впротчемъ, *Чернышевъ* находится уже на пути, дабы соединится ему со мною. Нашъ же походъ возпрïиметъ начало свое не прежде, надѣюсь, какъ въ концѣ развѣ сего мѣсяца; но тогда то, думаю, произойдетъ въ бѣдной Силезïи прекрасная потѣха. Короче сказать, любезный Маркизъ, я имѣю теперь предъ собою претрудную и претяжкую работу, да и тутъ еще не льзя утвердительно того сказать, какой именно оборотъ возъимѣетъ наконецъ все то. Итакъ,

помолитесь, пожалуйте, за насЪ поприлѣжнѣе, и не истребляйте изЪ памяти Вашей крайнѣ нещастнаго бѣдняка, который подЪ бронею своею страждетЪ несказанно, препровождаетЪ жизнь на подобіе нѣкоего осужденика, и не смотря на все то, чтитЪ и любитЪ ВасЪ всегда искренно. Прощайте между тѣмЪ.

ОтЪ 8 Іюня 1762 года.

Письмо 27^е^.

ЕстьлибЪ объяснять мнѣ ВамЪ, любезный МаркизЪ, о всемЪ томЪ, что ни происходило лишЪ на Востокѣ, нѣсколько попространнѣе, то увидѣли бы Вы, можетЪ быть, что я дѣйствительно имѣлЪ причину о томЪ думать, что и вЪ тѣхЪ странахЪ можетЪ легко также последовать нѣчто хорошее. По истиннѣ, не все еще потерено совсемЪ, и мнѣ остается еще притомЪ довольно надежды.

Татары находятся, какъ сказываютъ, на всемъ уже ходу, и отъ того то самаго льщу я себя по меньшей мѣрѣ тѣмъ, что Ханъ оныхъ не оставитъ снабдить меня около 20000 человѣкъ вспомогательнымъ войскомъ. Въ Константинополѣ произвели между тѣмъ Янычары страшное возмущенїе; всѣ они мыслятъ за одно съ верьховнымъ Визиремъ, такъ что, при отправленїи оттуда ко мнѣ письма, превращена уже была осьмая доля города въ пепелъ, и за тѣмъ все еще не преставало пламя пожирать всего. Вы судите однакожъ довольно справедливо, когда говорите, что всѣ наши умствованїи о грядущихъ временахъ и всѣ политическїя заключенїи о томъ ничто иное суть, какъ однѣ лишъ пустыя затѣи. Но кто полно можетъ обстоятельнѣе о томъ судить меня, того самаго, который, бывъ цѣлыя шесть лѣтъ сряду безпрерывнымъ игралищемъ всѣмъ политическимъ бѣдствїямъ въ Европѣ, находясь на самомъ почти краю своея погибели, хотя и сохраненъ понынѣ нѣкоею чудо-

творною силою, при всемъ томъ однакожъ видитъ подверженнымъ себя паки новымъ еще опасностямъ? Всего того, что ни происходитъ лишъ теперь въ предѣлахъ Россїи, не могъ никакъ предвидѣть Графъ *Кауницъ*; и всего того, что ни произошло въ Англїи, изъ чего худшаго не знаете Вы вовсе, не въ силахъ былъ и я, при расположенїи въ мысляхъ моихъ различныхъ намѣренїй, помыслить даже; а изъ того и слѣдуетъ наконецъ, что каждый почти изъ Правителей Государства во времена мятежа жестоко бываетъ обманутъ. По симъ то самымъ причинамъ становится для меня сплошъ противною, по истиннѣ, сїя тщетная и безплодная работа, и потому то самому оживотворяется, такъ сказать, во мнѣ вся любовь къ наукамъ, кои могутъ занимать насъ среди прїятной тишины и среди владычествующего мира, несравненно болѣе, нежели прежде. Ибо, каждый ученый человѣкъ имѣетъ всегда предъ собою нѣкїе предмѣты, а политикъ напротивъ того почти никогда никакихъ.

30 числа соединятся между тѣмъ съ нами Россіяне; прибытіе оныхъ содѣлаетъ совершенный конецъ всему нашему бездѣйствію. Тогда то покушусь я снова паки предпринимать великія чудеса противъ всѣхъ имѣющихъ произойти изъ того неминуемыхъ опасностей: поелику сіе есть седьмое, такъ сказать, дѣйствіе плачевной нашей трагедіи. Признаюсь Вамъ, Маркизъ, штука сія наскучила уже мнѣ своимъ продолженіемъ съ лишкомъ много: Россійскій Императоръ сдѣлалъ къ пресѣченію оной приступъ; а мнѣ должно старатся распутать весь ея узелъ, дабы всей сей вещи учинить какъ можно получше окончаніе. Теперь занимаетъ меня великое множество разныхъ встрѣтившихся со мною необходимо нужныхъ учрежденій: все слѣдуетъ непремѣнно приготовить, и все надлежитъ предусмотрѣть впередъ, что лишъ сдѣлать можно при таковыхъ обстоятельствахъ. Присовокупяжъ къ тому всю расторопность, съ каковою нынѣ производятся всѣ касательные до того пере-

говоры, можете Вы свободно изъ того судить о всѣхъ вообще заботахъ, безпокойствахъ, трудахъ, стоющихъ мнѣ, и о самомъ бремени, лежащемъ на бѣдныхъ моихъ раменахъ. Короче сказать, любезный мой Маркизъ, мы весьма уже близки къ тому, отъ чего зависитъ все рѣшенїе сего самаго похода и всей оной войны: итакъ, подобаетъ вооружится теперь однѣмъ лишъ терпѣнїемъ, по елику отъ насъ самихъ менѣе всего зависитъ то, что имѣетъ послѣдовать при семъ случаѣ. Впрочемъ, будьте спокойны, пишите ко мнѣ почаще, и полагайтесь всегда на мою къ Вамъ истинную дружбу.

Отъ 19 Iюня 1762 года.

Письмо 28е.

У меня, право, нѣтъ столь прекрасной и столь распещренной преузорочною по краямъ живописью бумаги, любезный мой Маркизъ, что самое дѣ-

лаетъ всѣ письма Вашихъ единоземцевъ толь пріятными; а не то употребилъ бы конечно и я также подобную тому, дабы равномѣрно отвѣчать Вамъ съ моей стороны. Слѣдственно, не посѣтуйте на меня теперь за то, что я опишу Вамъ на этой простой бумагѣ все то, что здѣсь ни происходитъ. Вы узрите тутъ насъ паки въ самомъ томъ лагерѣ, въ которомъ мы и въ прошедшемъ году обрѣтались столь долгое время; настоящее наше намѣреніе состоитъ наипаче въ томъ, чтобъ ворватся во внутренность горъ, дабы зайти чрезъ то удобнѣе съ тылу Фельдмаршалу *Дауну*, и принудить его возвратится назадъ въ Богемію. Сколь много пощастливитъ намъ то, того я не знаю; однакожъ безъ того не льзя намъ обойтись никакъ. Не мало, по истиннѣ, предпріятіе сіе, чтобъ умѣть вытѣснить совсемъ искуснаго Генерала изъ наивыгоднѣйшаго положенія, устроеннаго имъ для себя сначала. Но безъ сомнѣнія щастливая планета поможетъ намъ въ томъ много; при

всемъ томъ однакожъ, все еще не можно полагатся на то сильно.

Вы требуете отъ меня между протчимъ извѣстія о Татарскомъ Ханѣ: на оное скажу я Вамъ тожъ самое, что и мнѣ объявлено; то есть, что онъ шлетъ уже ко мнѣ свои войски; письмо о томъ писано ко мнѣ отъ 11 Іюня. Сія неожидаемая перемѣна исполнится впротчемъ гораздо позже, нежели я чаялъ; но не смотря на то, возъимѣетъ она во всякое время свое дѣйствіе. Нашъ же миръ и союзъ съ Россіею сколь ни прекрасны съ одной стороны, однакожъ при всемъ томъ произвели они съ другой стороны немалую перемѣну въ добрыхъ намѣреніяхъ Восточныхъ жителей. Итакъ, теперь то услышать можно, воспользуются ли отъ того самаго всѣ наши непріятели, или нѣтъ: ибо, вся политика, любезный Маркизъ, опочіетъ на совершенно зыблющей подпорѣ; такъ что, по истиннѣ, ни на чемъ не льзя утверждатся достовѣрно; а потому то самому и противна она мнѣ крайнѣ. Всѣ вообще

бѣдствiи протекшего года и всѣ опустошенiи, учиненныя множайшимЪ ПровинцiямЪ купно со всякаго рода злощастiями, встрѣчавшимися со мною, содѣлали меня ко всѣмЪ вЪ мiрѣ вещамЪ несравненно философственнѣе и равнодушнѣе самаго *Сократа*; вскорѣ доведу я то, думаю, до совершенной безчувственности. Время уже, подлинно, любезный МаркизЪ, прекратится совсемЪ войнѣ сей: понеже негожусь я ни кЪ чему болѣе, жарЪ мой измѣняется, силы мои истощеваютЪ, и я влачу лишЪ, такЪ сказать, остатокЪ дней моихЪ: при таковыхЪ обстоятельствахЪ можно, по истиннѣ, скорѣе сдѣлатся добрымЪ отшельникомЪ отЪ суеты мiрской, нежели быть полезнымЪ болѣе свѣту.

ВпротчемЪ, скажу ВамЪ также, что ПринцЪ *Фердинандъ* одержалЪ знаменитое преимущество надЪ Французами, что для меня весьма прiятно. Но охотнѣебЪ однакожЪ желалЪ я видѣть, чтобЪ побѣда сiя была порѣшительнѣе нѣсколько:

ибо, за вычетомъ 4000 изъ 80000 остается все еще 76000 человѣкъ;болѣе нежели много для Принца *Фердинанда*, который не болѣе съ своей стороны 50000 противопоставить имъ можетъ; но онъ выигрываетъ вмѣсто того тѣмъ время, и самый сей ударъ содѣлываетъ совершенно *Субиса*, нарочито искуснаго Генерала изо всѣхъ бывшихъ во Францїи, робкимъ и безнадежнымъ. Между тѣмъ, милый мой Маркграфъ *Карлъ* преставился: я крайнѣ прискорбенъ о томъ, истинно; потому что оный былъ наичестнѣйшїй человѣкъ въ свѣтѣ. Всѣмъ намъ однакожъ должно непремѣнно быть нѣкогда паки его сотоварищами въ преисподней; прежде ли чемъ, или позже чемъ нѣсколько, все то равно. Итакъ, будьте здоровы, любезный мой Маркизъ; не урѣжайте писать ко мнѣ, и полагайтесь на всегдашнюю мою къ Вамъ благосклонность.

Изъ Бунцельвица отъ 4 Іюля 1762 года.

Письмо 29ᵉ.

Искуство въ догадкѣ имѣетъ свои предѣлы, любезный мой Маркизъ, и будетъ имѣть оные потудова, покамѣстъ лишъ имѣетъ пребывать свѣтъ. Употреблять себя въ томъ приличнымъ образомъ, и предоставлять всѣмъ вещамъ свободное теченіе, есть, по истиннѣ, единое токмо благоразумнѣйшее дѣло, которое остается намъ исполнять всегда. Теперь подтвердите Вы сами то, думаю, что я говорилъ тогда сущую правду, когда я старался опровергать всѣ тѣ попеченіи, кои преобрѣли чрезъ общенародныя извѣстіи къ себѣ всякую достовѣрность. Мы претерпѣвали, по справедливости сказать, столь долго разнаго рода противобрствіи, что все даже людское общество содѣлалось нынѣ совершенно въ томъ легковѣрнымъ, полагая, что страхъ предузнаетъ яко бы всякое случающееся нещастіе; но полно не случается вмѣсто того ни того ни

другаго, то есть, ни устрашаемаго зла, ни чаемаго добра; а чтобъ утѣшить Васъ паки нѣсколько, то скажу Вамъ, что предпріятіе мое на Швейдницъ идетъ по сіе время все весьма удачно: еще одинадцать благополучныхъ дней потребно намъ къ тому, дабы преодолѣть совершенно все сіе трудное искушеніе. Написалъ бы я Вамъ впротчемъ премножество еще любопытныхъ новостей; но повремени однакожъ теперь тѣмъ немного потудова, покамѣстъ не падетъ легковѣріе Ваше на удачныя какія либо произшествіи. Итакъ буду я ожидать того, что Вы писать ко мнѣ станете, чтобъ соотвѣтствовать соразмѣрно Вашимъ желаніямъ; а за тѣмъ прощайте, любезный Маркизъ. Будьте здоровы между тѣмъ; яжъ усталъ уже, право; дряхлость моя дѣлаетъ мнѣ всякій трудъ несравненно несноснѣе предъ прежнимъ. Чего ради, пишите Вы ко мнѣ, и не сомнѣвайтесь никакъ въ моей къ Вамъ всегдашней искренности.

Изъ Петерсвальда отъ 15 Августа 1762 года.

Письмо 30е.

Вы познаете уже довольно изъ моихъ стиховъ, что я мышлю о почтаряхъ, коихъ видите Вы прiѣзжающими въ Берлинъ. Не безъ того то впротчемъ, чтобъ не порадоватся тому охотно, естьли видишъ себя избавленнымъ отъ нѣкоего величайшаго нещастiя; но полно, щитая отъ самой сей точки до самаго центра благополучiя, весьма еще далече, любезный мой Маркизъ; и говоря съ Вами о всемъ откровенно, должно намъ непремѣнно, думаю, преодолѣть еще одно страшное препятствiе, прежде нежели завладѣемъ мы паки Швейдницемъ. По всѣмъ обстоятельствамъ судя, выдетъ то такъ, какъ угодно самому случаю, или судьбѣ, либо Провидѣнiю: ибо, по истиннѣ, всѣ сiи три вещи, или одна изъ нихъ которая имѣетъ болѣе участiя въ происходящихъ въ свѣтѣ приключенiяхъ, нежели вся человѣческая осторожность. Итакъ, предоставляю я

Вамъ однимъ на сїю темную и непроницаемую матерїю дѣлать Ваши небольшїя философическїя разсужденїи; учиняжъ въ томъ какое либо удачное изслѣдованїе, сдѣлаете Вы мнѣ тѣмъ немалое удовольствїе, когда удѣлите и мнѣ о томъ нѣчто. Между тѣмъ однакожъ, прошу Васъ, любезный мой Маркизъ, не забывать и меня также.

Изъ Петерсвальда отъ 19 Августа 1762 года.

Письмо 31ᵉ.

Изъ всѣхъ, по истиннѣ, щитаю я Васъ, Маркизъ, безъ всякаго прекословїя наиисправнѣйшимъ за то, что Вы изволите препровождать ко мнѣ столь прекрасныя и столь искусно позлащенныя и переплетенныя книги; такъ что ничего не недостаетъ при томъ, подлинно, Возлюбленный мой, кромѣ единаго лишъ въ оныхъ содержанїя, которое само по себѣ ничего не значитъ, и не стоитъ

совсемъ таковаго наряднаго снаряда; при всемъ томъ, благодарю я Васъ за толикую ко мнѣ благосклонность, а наипаче, за содержанїе меня въ Вашей памяти. Я желаю впрочемъ и книгопродавцу также всякаго успѣха, дабы онъ могъ сыскать случай збыть удачно съ рукъ все свое тисненїе въ Россїи; между тѣмъ однакожъ, оставя шутки въ сторону, меня почтутъ еще тамъ, можетъ быть, хорошимъ Французскимъ Стихотворцемъ. Не сочли ли полно и Вы, присылкою ко мнѣ того, нѣкїимъ то воздаянїемъ мнѣ за осаду Швейдница? Есть ли то такъ, то въ томъ ошибаетесь Вы крайнѣ, Любезный мой: ибо, я столь же неискусенъ въ завоеванїи крѣпостей, какъ и въ составленїи стиховъ. Нѣкто по имени *Грибофалъ*, который не разумѣетъ никакихъ шутокъ вовсе, и притомъ 10000 Австрїйсцевъ задерживаютъ насъ и понынѣ даже. Но не смотря на то, скажу я Вамъ теперь, что какъ Начальникъ сей, такъ и все онаго охранительное войско находятся уже при послѣднемъ

ихъ издыханіи, и вскорѣ, чаю, потребуютъ себѣ соборованія. Мы стоимъ всѣ около палисада, такъ что единый токмо подкопъ, который непремѣнно въ теченіи четырехъ дней имѣетъ быть взорванъ, откроетъ всему дѣлу конецъ, и учинитъ страшный проломъ въ крѣпостномъ загражденіи, чемъ самымъ кончится и вся сія тяжкая работа. Люди сіи знаютъ то довольно, что положено уже сдѣлать ихъ всѣхъ военноплѣнными; и потому то самому вознамѣрились онѣ стоять упорными до послѣднихъ своихъ силъ, въ чемъ, признаюсь, и хвалю я ихъ весьма много.

Къ крайнему моему впротчемъ утѣшенію слышу я, что Господинъ *Бособръ* намѣренъ распространить имянитѣйшій свой родъ, какъ видно, по глаголу Божію всѣмъ нашимъ прародителямъ, гласящимъ тако: „ПЛОДИТЕСЯ, РАСТИТЕСЯ И НАСЕЛЯЙТЕ ЗЕМЛЮ.„ А чтобъ во все вдаватся, къ чему лишъ ни определитъ его, насъ и всѣхъ вообще, сколько ни есть соучаствующихъ въ

дѣлахъ нашихъ, случай, то стану я ожидать терпѣливо мира и соучастія его любовной страсти и онаго намѣренія. Мнѣжъ кажется, любезный Маркизъ, что миръ сей послѣдуетъ точно. Не уже ли эта загадка темнѣе того самаго вопроса, который предложенъ былъ нѣкогда нѣкіимъ чудовищемъ Ѳивянамъ! Вся нынѣшняя политика въ Европѣ есть сущій лабиринтъ, такъ сказать, гдѣ конечно всякому легко заблудится можно: я бы и самъ покусился впустится, можетъ быть, нѣсколько въ оную; но полно страшусь того, чтобъ мнѣ не лишится потомъ совсемъ духа бодрости, и для того то самаго, слѣдственно, челомъ я бью обоготворяемой сей нечаянности, охранительной заступницѣ всѣхъ несмысленныхъ невѣждъ. Впротчемъ, естьли то правда, что Агличане завоевали Гаваною, то заключатъ они непремѣнно съ Испаніею и со Франціею совсемъ особаго рода союзъ. Самое сіе послужитъ концемъ всему тому; а я между тѣмъ буду лишъ съ наиупрямѣйшею Ко-

ролевою слонятся вокругъ столь долго, покамѣстъ не истощится наконецъ весь ея кошелекъ; и тогда то уже развѣ сдѣлается она миролюбивою Государынею въ Европѣ. Таковыми суть точно, любезный мой Маркизъ, всѣ почти величайшіе Обладатели вселенной. Честолюбіе угрызаетъ ихъ сплошъ подъ личиною блестящаго наружнаго благочестія и безпримѣрной любви къ миру. Во всежъ время продолженія войны сей показывала себя Королева таковою лишъ токмо; но я думаю, что многія не станутъ уже полагатся болѣе на ея слова ни въ чемъ, а наипаче тогда, когда вздумается ей паки пущать свѣту пыль въ глаза.

Малорослаго *Бособра* нахожу я несравненно умнѣе въ томъ: онъ сбирается населить паки свѣтъ, который опустошила было уже совсемъ война; да и во всякомъ ученомъ похваляю я то весьма много, когда лишъ мыслитъ онъ о размноженіи человѣческаго рода: ибо, гораздо лучше производить на свѣтъ

дѣтей, нежели издавать дурныя книги. Яжъ, напротивъ того, негожусь ни къ тому ни къ другому. Между тѣмъ однакожъ, готовлю я уже почтарей, коихъ льщусь скоро препроводить прямо къ Вамъ съ тѣмъ, чтобъ повѣстить Вамъ о благополучномъ произшествіи, кое я съ нынѣшнего почти дня начинаю почитать уже достовѣрнымъ. Втепоры откроются безъ сомнѣнія новыя хлопоты; только оставимъ лучше теперь о томъ думать, и не безпокоя себя съ лишкомъ о будущемъ, забудемъ по тѣхъ мѣстъ всѣ затрудненіи, покудова не встрѣтятся онѣ паки съ нами. Это будетъ прямо по философски, любезный мой Маркизъ. Вы видите, слѣдственно, ясно всѣ мои къ тому приступы даже; но и всякъ другій сдѣлался бы конечно, думаю я, также, какъ и я, вторымъ *Маркомъ Авреліемъ*, естьлибъ только былъ онъ во всѣ сіи семъ походовъ безпрерывно игрою случаевъ и посмѣшищемъ всѣхъ превосходныхъ силъ. По симъ самымъ причинамъ и по неволѣ сдѣлаешся Философомъ; но

полно образъ учинится таковымъ, не принадлежитъ ничуть къ настоящему дѣлу; быть тѣмъ самымъ, всякому не дурно. Итакъ, пребывайте благополучнымъ, мой любезный, мой обожаемый Маркизъ. Будьте спокойнымъ, и ожидайте того съ равнодушїемъ, что то самое, чего и самъ не знаю я, которое издѣвается всячески надъ суетными намѣренїями смертныхъ и учреждаетъ все совсемъ нечаемымъ образомъ, предопредѣлило уже намъ. Въ заключенїежъ всего, поклонитесь, пожалуйте, отъ меня прекрасной Вашей Лисынькѣ.

Изъ Петерсвальда отъ 6 Сентября 1762 года.

Письмо 32.

По истиннѣ, должно мнѣ весьма много извинятся предъ Вами въ томъ, любезный Маркизъ, что я предрекалъ Вамъ съ толикимъ удостовѣренїемъ о окончанїи нашей осады, имѣющейся случится

12 числа сего мѣсяца. Все еще занимаемся мы и нынѣ осадою; проклятые подкопы задержали насъ очень долго. Теперь завладѣли мы предѣлами покрытаго пути; а какъ тѣмъ самымъ пресѣклось уже все величайшее затрудненїе, то, чаятельно, что и все протчее пойдетъ потомъ поспѣшнѣе. Мы должны нынѣ употребить цѣлыя шесть недѣль ко вторичному завладѣнїю такой крѣпости, которую потеряли мы въ два часа. Поступокъ сей не относится нимало къ чести всего нашего искуства, или всей нашей бодрости. Я самъ даже прибылъ сюда съ тѣмъ нарочно, чтобъ сколько можно поторопить нашими работами, и довести все сїе дѣло какъ наискорѣе къ концу. Итакъ, никакъ не хочу я впредь болѣе быть пророкомъ, а паче опредѣлять когда либо самое время здачи; но думаю, что оная продлится еще, безъ сомнѣнїя, нѣсколько дней. *Грибофалово* благоразумїе защищаетъ мѣсто сїе несравненно болѣе, нежели все мужество Австрїйсцевъ. Повседневно дѣ-

лаетъ онъ намъ разнаго рода новыя пакости. Короче сказать, Любезный мой, я принужденъ здѣсь быть и инженеромъ и минеромъ, такъ что наконецъ должны мы будемъ все таки нѣкогда достигнуть исполненія нашему намѣренію. Теперь трудимся мы около подкопа, дабы взорвать нѣкія укрѣпленіи на воздухѣ; и я ожидаю только отъ того дѣйствія: а потомъ готовимся мы на цитадель, къ которой былъ уже и приступъ, идти штурмомъ, что самое принудитъ, надѣюсь, непремѣнно Начальника сего мѣста къ здачѣ крѣпости. Но полно рѣшеніемъ сего дѣла, все еще не кончится все, многое еще потребно къ тому, дабы достигнуть до совершеннаго мира. Однакожъ, оставимъ сіе, мы потщимся лучше мало по малу избѣгать всякихъ затрудненій; станемъ распоряжать, что намъ сего дня дѣлать, и будемъ помышлять о томъ завтра, какія мѣры можемъ мы предпринимать съ нашей стороны при разнообразіи перемѣнныхъ обстоятельствъ. Итакъ, знаете Вы нынѣ, лю-

безный Маркизъ, въ какомъ положенiи обрѣтаемся мы теперь. Сносите терпѣливо, слѣдственно, все наше неискуство и все наше незнанiе. Нечаянный успѣхъ будетъ для Васъ тѣмъ прiятнѣе: ибо, всякое долго ожидаемое чему либо исполненiе, причиняетъ обыкновенно тѣмъ вяще удовольствiе, нежели то, что преобрѣтается безъ всякаго труда. Все сiе впротчемъ, что лишъ я теперь сказать Вамъ могъ, есть по справедливости новое: ибо, что я Васъ люблю, то уже то давно старое, и пребудетъ на всегда непремѣннымъ. Прощайте.

Изъ Бегендорфа отъ 26 Сентября 1762 года.

Письмо 33e.

Охотно бы хотѣлъ я сказать Вамъ теперь, любезный мой Маркизъ, что Швейдницъ завоеванъ уже; но все еще не имѣемъ мы онаго въ нашихъ рукахъ. Цѣлыя четыре недѣли роемся мы безпре-

станно въ землѣ и тѣмъ лишъ задержены крайнѣ. Все еще стоимъ мы около крѣпостнаго полисада. Вчерашняго числа подорвалъ непрїятель одинъ нашъ подкопъ, чемъ самымъ разрушилъ онъ нѣкоторое мѣсто, гдѣ было укрѣпились мы; такъ что весь нынѣшнїй день употребленъ на то лишъ только, чтобъ все то привести паки въ прежнїй порядокъ. Однѣмъ словомъ, надобно вооружится терпѣнїемъ: ибо, самый сей *Грибофалъ* защищаетъ себя такъ, какъ человѣкъ преисполненный достоинствъ. Замѣтьте притомъ, пожалуйте, Любезный мой, то, что весь гарнизонъ состоялъ при самомъ началѣ осады изъ 11000 человѣкъ; а *Цастровъ* имѣлъ у себя не болѣе, какъ только 3000. Слѣдовательно, не совсемъ онъ правъ въ томъ; но при всемъ томъ однакожъ, не безъ извѣстно и то, что число три составляетъ почти четвертую часть отъ одиннадцати, и что люди сїи несравненно лучше его защищать себя могутъ. При послѣдовавшей въ Россїи перемѣнѣ, почувствовали Вы,

думаю, въ себѣ дѣйствіе колики. Вся причина состоитъ, надѣюсь, въ томъ только, что все до меня принадлежащее, соделываетъ въ мысляхъ Вашихъ глубочайшее впечатлѣніе. Но естьли между тѣмъ можно, то докажите Вы мнѣ здравіемъ Вашимъ паки опыты Вашего ко мнѣ дружества. Не оставляйте, пожалуйте, употреблять ключевой воды изъ колодца въ Сан-суси, такъ какъ Вы щитаете ее полезною къ возстановленію прежнихъ Вашихъ силъ. Отъ искренняго сердца желаю я, права, того, чтобъ оная споспѣшествовала Вашему совершенному поправленію. Самъ же я вмѣсто того привыкъ столько къ разнаго рода противнымъ перемѣнамъ и бѣдствіямъ, и становлюсь уже столь равнодушнымъ противъ всѣхъ случаевъ въ семъ свѣтѣ, что не чувствую нынѣ почти вовсе того, что прежъ сего моглобъ содѣлать во мнѣ наиглубочайшія впечатлѣніи. Я могу притомъ увѣрить Васъ, любезный мой Маркизъ, въ томъ, что я дѣйствительно успѣлъ довольно много

въ подражанiи всѣхъ правилъ философiи. Я становлюсь уже старъ, Другъ мой, приближаюсь довольно ощутительно къ цѣли моихъ дней, и непримѣтнымъ образомъ отрывается душа моя отъ всего сего землекружiя, кое прейдетъ само по себѣ, и кое вскорѣ я оставить буду долженъ. Мое положенiе прошедшей зимы, перемѣна въ Россiи, вѣроломство Агличанъ и много тому подобнаго, не могутъ ли служить достаточными предмѣтами, по истиннѣ, влекущими человѣка къ постиженiю премудрости, естьли только помыслить о томъ хорошенько! Да и ктобъ восхотѣлъ пожелать препроводить все время своей жизни въ семъ пагубнѣйшемъ изъ всѣхъ чаемыхъ мiровъ съ наиразвращеннѣйшею толпою купно? Здѣсь упоминаю я нѣкiя токмо причины всего моего негодованiя противъ опостылаго уже мнѣ свѣта; но со мною встрѣчались однакожъ въ продолженiе войны столь изъ нихъ многiя, что истощилось даже чрезъ то все чувство души моей, окрѣпчалъ я, такъ ска-

зать, весь, сдѣлался совершенно равнодушнымъ и нечувствительнымъ, такъ что негожусь я ни къ чему нынѣ болѣе.

Впротчемъ, не имѣемъ мы здѣсь вовсе предъ очами нашими ни *Нептуна* ни *Аполлона* себѣ сопротивниками, а единаго лишъ *Грибофала*, купно съ 8000 солдатъ и минеровъ, кои искушаютъ съ лишкомъ много все наше терпѣніе: во всемъ Швейдницѣ нѣтъ, право, никакой прекрасной *Елены*; да и у насъ не достаетъ также подобнаго *Ахиллесу*, коего присудствіе почелъ бы я на сей случай несравненно болѣе, нежели все упованіе на Блаженнаго *Елимаха*, или на Праведнаго *Діонисія*, или на кого либо другаго изъ лика помѣщенныхъ въ святцахъ. Не смотря однакожъ на все то, подвигаемся мы со всѣми нашими произведеніями столь далеко впередъ, сколько позволяетъ лишъ намъ самое благоразуміе. Естьлижъ сказать безъ всякаго пристрастія, то по моему сужденію не потеряли мы, право, щитая отъ самаго начала осады, ни шести даже

дней напрасно; но гдѣбъ впрочемъ при подобныхъ осадахъ не случилось того, скажите, пожалуйте? По меньшей мѣрѣ не тратимъ мы время въ пустыхъ выраженіяхъ, такъ какъ Ваши чрезчуръ болтливые Греки, ни въ умиленныхъ молитвахъ крестныхъ ханжей предъ Іерусалимомъ и Даміеттою. Какъ бы то ни было однакожъ, но мы овладѣемъ паки Швейдницемъ, и я обезпеченъ о томъ совершенно. Да полно и за тѣмъ еще остается мнѣ претрудная доля работы, при чемъ обозрѣваю я какъ бы нѣкій непроницаемый туманъ, препятствующій глазамъ моимъ распознавать всѣ новые предмѣты и всѣ грядущіе случаи. Самая даже Праведная *Гедвига* не просвѣщаетъ уже меня нимало; она не вспомоществуетъ мнѣ ничуть ни въ чемъ, не взирая на то, что оную чту я небесною себѣ сродницею. Короче сказать, все будущее предоставляю я произволу судьбы, и провождаю съ дня на день жизнь мою кой какъ во ожиданіи предъидущаго. Я пишу Вамъ теперь на прямикъ все то, что

у меня на умѣ: сїе самое навлечетъ Вамъ, можетъ быть, нѣсколько скуки; но повѣрьте мнѣ, что всякое искренное израженїе составляетъ всегда нѣкоторое облегченїе сердцу, воззря притомъ безпристрастными глазами на то состоянїе, въ которомъ обрѣтаюсь я теперь. Итакъ за тѣмъ, оставайтесь благополучнымъ, любезный Маркизъ; на сей разъ не скажу я Вамъ болѣе ничего, кромѣ лишъ того, что увѣряю Васъ въ совершенной моей къ Вамъ дружбѣ.

Изъ Бегендорфа отъ 27 Сентября 1762 года.

Письмо 34[е].

Стихи сїи, любезный мой Маркизъ, измѣняютъ совершенно тому времю, въ теченїе коего сотворены они. Меня занимаютъ нынѣ разныя политическїя заботы и военныя хлопоты; деньги вертятся безпрестанно въ моемъ умѣ: короче сказать, меня окружаетъ со всѣхъ

сторонѣ безчисленное множество весьма непрїятныхъ упражненїй. Итакъ, стихи мои удались бы, безъ сомнѣнїя, лучше тогда, когдабъ произошли они токмо на свѣтъ во время гораздо поспокойнѣе предъ нынѣшнимъ; не смотря однакожъ на то, могутъ они, надѣюсь, быть довольно еще годными къ самому тому употребленїю, которое Вы разсудите лишъ за благо изъ оныхъ сдѣлать. По моему мнѣнїю казалось бы впротчемъ лучше оставить тому вовсе стихотворство, кто не въ силахъ писать такъ, какъ *Расинъ;* но полно вообще говорятъ люди, что сплошъ Стихотворцы бываютъ дураками яко бы. Самое сїе изреченїе имѣетъ послужить и мнѣ теперь настоящимъ извиненїемъ; да и Вы сами даже согласитесь, чаю, признатся мнѣ въ томъ, что дурачество это не опасно по меньшей мѣрѣ для всего общества, а наипаче тогда, когда Стихотворецъ не втираетъ съ усилїемъ творенїи свои въ руки читателю, когда пишетъ онъ стихи единственно къ своему лишъ удо-

вольствїю, и когда, говорю, бываетъ онъ перьвымъ въ предоставленїи слабымъ его дарованїямъ надлежащей справедливости. Несравненно прїятнѣе бъ было для меня, признаюсь чистосердечно, при подобныхъ нынѣшним обстоятельствамъ, сдѣлать надежный и выгодный миръ, нежели какую либо Эпическую Поэму; по недостатку же онаго, гораздо лучше вознамѣрится твердо подвизатся, естьли можно, на Австрїйсцевъ, чемъ писать подобную *Руссоевой* какую либо оду. Да и Вы, думаю, были бы однѣхъ же со мною въ томъ мыслей также. Но какъ бы то ни было, однако должно имѣть во всемъ терпѣнїе, дабы отнюдь не возбранять дѣйствїю всѣхъ побочныхъ причинъ, когда сами мы не въ силахъ никакъ достигать до естественныхъ началъ, и покорять себя добровольно игу случаевъ, кои, по истиннѣ, не зависятъ нимало отъ всего нашего благоразумїя; а между тѣмъ, прощайте, любезный мой Маркизъ, уступите мнѣ одному дѣлить все мое безпокойствїе, предоставьте, по-

жалуйте, себѣ непоколебимѣйшее спокойствіе духа, и пребывайте удостовѣреннымъ на всегда въ моей къ Вамъ искреннѣйшей дружбѣ.

Изъ Петерсвальда отъ 22 Октября 1762 года.

Письмо 35.

Письмо Ваше, любезный мой Маркизъ, освобождаетъ меня нынѣ совершенно отъ всѣхъ заботъ, кои ни имѣлъ лишъ я о Вашемъ здравіи. Хотя предъ самымъ моимъ отъѣздомъ и были Вы нездоровы, помню я; но меня увѣрили однакожъ, что Вы на другой же потомъ день отправились яко бы въ путь. Непомѣрная упругость воздуха и жестокое колебаніе повозки возвратили Вамъ, по видимому, все Ваше прежнее здоровье; а тѣмъ самымъ подтвердили онѣ и все утвержденіе *Бергаавово* въ томъ, что всегдашній покой не полезенъ никакъ нашему здравію. Итакъ, къ чему предопредѣлила под-

линно природа насъ въ свѣтѣ, не знаю я и самъ, права. Судя по нашему здоровью, кажется едва ли не справедливо то, что мы опредѣлены быть болѣе почтарями, нежели Философами. Впротчемъ, со времени нашей разлуки, былъ уже я и въ Мейссенѣ. Между тѣмъ однакожъ, письма, полученныя мною на сихъ дняхъ изъ Вѣны, увѣдомляютъ, что соглашенїи о утвержденїи мира произвели тамъ во всѣхъ несказанную радость, и что Императрица едва не обняла было отъ восхищенїя о томъ вручителя того. Въ разсужденїи чего, подтвержденїе всему тому послѣдуетъ здѣсь непремѣнно естьли не завтра, то конечно не позже послѣ завтрева. Касательножъ до меня, то до 12 Марта не думаю я, по малымъ моимъ вычетамъ, оставить Саксонїю: ибо, мнѣ потребно только 14 дней къ тому, чтобъ привести къ окончанїю всѣ мои Силезскїя Дѣла; а ктомужъ и по другимъ обстоятельствамъ нельзя мнѣ быть, какъ кажется, прежде 29 числа будущего мѣсяца въ Берлинѣ.

Но естьли и есть что наилучшее во всемъ ономъ дѣлѣ, то сїе ничуть не есть собственное мое вездѣ присудствїе, любезный мой Маркизъ; а единственно лишъ благополучный миръ; почему и справедливо то, подлинно, что всѣ добрые граждане и все общество радуются тому. Но я, напротивъ того, бѣдный, дряхлый старикъ, возвращаюсь паки въ такой городъ, гдѣ познаю я однѣ лишъ токмо стѣны, гдѣ не обрѣтаю я уже никого изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, гдѣ ожидаетъ меня безчисленное множество различныхъ распоряженїй, и гдѣ наконецъ въ короткое, можетъ быть, время долженъ я буду оставить изсохшїя уже мои кости посреди кладбища, кои ни войною какою, ни злоключенїями какими, ниже злобою какою не могутъ потревожены быть когда либо. Здѣсь же вмѣсто того пребываю я такъ, какъ бы въ нѣкоемъ загородномъ домѣ, гдѣ препровождаю я мою жизнь въ совершенномъ уединенїи и въ обыкновенныхъ моихъ упраж-

ненїяхЪ; ничего не недостаетЪ мнѣ здѣсь, по истиннѣ, кромѣ одного лишЪ любезнаго Маркиза; но я уповаю полно увидѣтся сЪ нимЪ скоро паки вЪ Берлинѣ; а между тѣмЪ, совѣтую ВамЪ выѣзжать временемЪ и со двора, мой Возлюбленный; пощщитесь пожертвовать симЪ, какЪ можно, собственному Вашему здравїю. Ваши лошади ожидаютЪ ВасЪ давно вЪ Потсдамѣ; онѣ уже во всякой готовности тамЪ; яжЪ бѣдный, нещастный, прошу не забывать меня лишЪ только. ВпрочемЪ, прощайте, кланяйтесь отЪ меня Лисынькѣ.

ИзЪ Далена отЪ 25 Февраля 1763 года.

Письмо 36ᵉ.

Насилу наконецЪ послѣдовалЪ нынѣ, подлинно, совершенный мирЪ, любезный мой МаркизЪ; на сей разЪ дождетесь Вы кЪ себѣ не по пустякамЪ, думаю, посланнаго кЪ ВамЪ нарочно со всею при

немъ свитою. Теперь то, хвала Вышнему, достигли настоящей цѣли всѣ мои военныя безпокойствїи! Вы спросите меня конечно тотчасъ, чемъ занимаюсь я здѣсь? Повседневно слышу лишъ я гласъ *Цицероновъ*, скажу я Вамъ на то; съ давняго уже время престалъ я внимать глаголамъ на *Верреа*; нынѣжъ остановился я при защищенїи его *Мурены*; а сверьхъ того прочиталъ я отъ доски до доски и всего *Баттюе*. Итакъ, видите Вы ясно, что я ничуть не лѣнивъ: да и Вамъ самимъ даже, моему Милому, не слѣдуетъ также дѣлатся нетерпѣливымъ; ибо, рѣка сдѣлалась уже судоходною, такъ что Вы довольно еще будете имѣть время, доставить всѣ Ваши вещи, до моего прибытїя, въ Потсдамъ. До 13 числа останусь я либо здѣсь, или въ Торгавѣ; всяжъ моя ѣзда въ Силезїю займетъ не болѣе времени, думаю, какъ только 15, а много естьли 17 дней; слѣдовательно, не прежде могу я быть въ Берлинѣ, какъ развѣ 31 числа сего мѣсяца, или около 2 Апрѣля; 1 же числа

будущего мѣсяца не хочу я никакъ расположить пріѣздъ мой къ Вамъ, дабы нѣкіе насмѣшники не могли потѣшится при семъ случаѣ на мой щетъ, примѣня меня къ перьвому Апрѣлю. Итакъ, заключенный миръ содѣлалъ, по видимому, жителямъ Берлинскимъ несказанную радость; напротивъ же того Саксонамъ совсемъ тому противное. Не успѣемъ лишъ выступить мы изъ какого либо города, не успѣемъ, говорю, очистить мы токмо удѣлъ земли онаго, какъ въ тужъ самую минуту появляется повсюду такъ называемая истязательная Саксонская ексекуція: „*Плати, плати*, кричатъ громогласно исполнители воли верьховной власти, *Королю Польскому надобны деньги.* „Въ слѣдствіе чего, весь народъ ощущаетъ всю силу безчеловѣчія таковыхъ поступокъ, онъ пребываетъ отъ того въ крайнемъ бѣдствіи, и вмѣсто того, чтобъ доставить ему нѣкое облегченіе, поспѣшаютъ лишъ тѣмъ болѣе совершенною погибелію оному. Вотъ, любезный Другъ, Вамъ подлинное изображеніе всей

Саксоніи, которое снято съ самой натуры. На все подобныя сему действивіи взираю я такъ, какъ равнодушный зритель; но такъ, какъ гражданинъ светскій, не могу я никакъ одобрить всего того.

Между темъ, работаю я здесь тишкомъ о внутренномъ учрежденіи Провинцій: главнейшія распоряженіи, касательныя до всего войска, уже почти совсемъ готовы и притомъ потрафлены. Французы подписали впротчемъ мирныя условіи целыми пятью днями ранее насъ. Признайтесь, пожалуйте, сами Вы въ томъ, не слишкомъ ли много, право, надоели мы всемъ имъ; и что весьма трудно довести столь трудное дело къ желаемому концу искуснее того, какъ учинили мы то самое. Его Величество Польское не выздоровелъ и поныне; онаго здравіе все еще шатко крайне. Саксонцы же съ своей стороны почитаютъ возвращеніе Короля ихъ къ нимъ неиначе, какъ всеобщимъ нещастіемъ, несравненно пущимъ бедствіемъ, нежели самая война и голодъ; но полно что намъ обеимъ

дѣла до Саксонiи, до Государя ея, до онаго Министра и до всѣхъ сихъ вообще поступокъ. Я пекусь токмо о успокоенiи моего удрученнаго духа и хотя о маломъ облегченiи отъ несносныхъ уже болѣе трудовъ, чтобъ доставить себѣ нѣкую отраду, и чтобъ во время утомленiя страстей углубится мнѣ въ размышленiи о самомъ себѣ, дабы заключить себя на всегда въ предѣлахъ внутренности души моей, и удалится наконецъ отъ всѣхъ вообще чиноположенiй, кои мнѣ, естьли чистосердечно признатся, со дня на день становятся несносными, по истиннѣ. Сверьхъ сего, скажу я Вамъ здѣсь еще то, что д'*Аламбертъ* отринулъ всѣ предложенiи, учиненныя ему со стороны Россiи; сей очевидный опытъ его великаго безпристрастiя заслуживаетъ совершенно все мое уваженiе; и по мнѣнiю моему, поступилъ онъ весьма благоразумно въ томъ, что не подвергъ себя разнымъ опасностямъ непостояннаго щастiя. Но остановимся лучше на семъ мѣстѣ: струнка сiя нѣжна

чрезмѣрно, чтобъ возможно было касатся до нее безъ опасенія.

Добрая ночь, между тѣмъ, любезный Маркизъ, теперь уже поздо; а завтра надобно еще мнѣ пещись о многомъ. Я надѣюсь впротчемъ имѣть еще нѣсколько у себя писемъ Вашихъ, во время моего пребыванія въ Саксоніи. Итакъ, прощайте, любезный Маркизъ, будьте веселы, пекитесь о Вашемъ здравіи, а притомъ не забывайте и меня.

Изъ Далена отъ 1 Марта 1763 года.

Письма безъ чиселъ.

Письмо 37^е^.

Такъ, любезный Маркизъ, я погрѣшилъ много, подлинно; а что всего хуже, то подверженъ я буду и впредь томужъ самому, какъ вижу я. По истиннѣ, не скоро можно тогда образумится, когда лишъ желаешъ чего либо нетерпѣ-

ливо; однѣмъ словомъ, всѣ мы, какъ кажется мнѣ, останемся во всю нашу жизнь почти всегда одинакими. Естьлижъ есть что наинепріятнѣйшаго при сихъ настоящихъ обстоятельствахъ, то оное состоитъ болѣе въ томъ, что всѣ вообще проступки содѣлаются наконецъ главными погрѣшностями; такъ что одно уже помышленіе о томъ, производитъ во мнѣ несказанный ужасъ. Подумайте только о множествѣ моихъ непріятелей, воспаляющихъ все мое сопротивленіе, оныхъ опаснѣйшія и усугубленныя старанія и притомъ крайнее ожесточеніе, съ коимъ ищутъ они погубить меня всячески: посмотрите лишъ на то попристальнѣе, какъ участь цѣлаго Государства виситъ уже на единомъ токмо волоскѣ, такъ сказать: помыслите о всемъ томъ получше, пожалуйте, а не менѣе и о томъ также, что вся ихъ лестная надежда, обѣщаемая имъ оныхъ пророкомъ, исчезнетъ подобно мглѣ, которую всю развѣетъ вѣтръ и разсѣетъ въ единое мгновеніе.

Для освобожденія же себя отъ сихъ столь смутныхъ и столь мрачныхъ вообраЖеній, кои бы наконецъ и самаго *Демокрита* въ силахъ были содѣлать беспокойнымъ и унылымъ, стараюсь я заниматся чемъ либо, или составляю дурные токмо стишки. Признаюсь Вамъ въ томъ, покамѣстъ продолжится таковое упражненіе, потудова щитаю я и благополучнымъ лишъ себя; оно, распространяя сущій обманъ, прикрываетъ тѣмъ свободнѣе все мое настоящее положеніе, и доставляетъ мнѣ то совершенно, что всѣ врачи называютъ Lucida intervalla, то есть: нѣкую искру надежды; но едва лишъ исчезаетъ все сіе чародѣйство, то погрузаю я паки въ прежнюю мою бѣдственную грезу, послѣ чего все мое мученіе, кое успокоено только было на нѣкоторое время, содѣлывается и сильнѣе и жесточае. Сверьхъ сего, скажу я Вамъ теперь еще нѣчто: Ваша Ирокиза находится въ полномъ упражненіи, такъ сказать; съ самаго нынѣшнего дня можетъ она безъ сомнѣнія, не щитая ее какою

либо душегубицею, толико погубить Австрїйсцевъ, сколько лишъ вздумается ей. Впрочемъ, хотя и хвалите Вы мои стихи, однакожъ они не заслуживаютъ, правъ, того нимало. Духъ мой не столь покоенъ, да яжъ не имѣю притомъ и время на то довольно, чтобъ могъ ихъ поправить сколько ни есть. Это одни лишъ недоноски, или явственнѣе сказать, преждевременныя роды, кои заставляетъ меня нѣкая стихотворная сатана по неволѣ производить на свѣтъ; и ихъ то самыхъ удостоиваете Вы нынѣ, по сродной Вамъ потачкѣ, всего Вашего одобренїя: они кажутся Вамъ, какъ видно, несравненно менѣе дурными тогда, когда Вы сравниваете ихъ съ тѣмъ ужаснымъ положенїемъ, въ которомъ обрѣтаюсь я теперь. Между тѣмъ, прошу Васъ писать ко мнѣ почаще, естьли только не займетъ Васъ нѣчто превосходнѣе того, и не забывать, пожаловать, бѣднаго Философа, который въ наказанїе за свое невѣрїе, осужденъ, можетъ быть, очистится прежде отъ

шого на семЪ свѣтѣ. ИтакЪ, прощайте, любезный МаркизЪ, будьте благополучны. Я желаю ВамЪ спокойствїя, здравїя, всякаго удовольствїя, и приемлю ВасЪ отЪ искренняго моего сердца вЪ мои объятїи.

Письмо 38е.

Я нарочно велѣлЪ себя притащить сюда, любезный мой МаркизЪ. Завтра явлюсь я непремѣнно кЪ своему войску, такЪ что ни *ДаунЪ*, ниже его Австрїйсцы не примѣтятЪ того вовсе, какЪ обольщаю я себя, что я одержимЪ подагрою. ВЪ теченїе осьми дней, надѣюсь я, будетЪ Саксонїя очищена совершенно отЪ непрїятелей, и все пребудетЪ спокойно повсюду. ИтакЪ, естьли будете Вы на то время здоровы, и буде можете найти гдѣ либо химическую какую накрѣпко заключенную повозку, то сдѣлаете Вы мнѣ немалое тѣмЪ удоволь-

ствїе, когда пожалуете ко мнѣ въ Дрезденъ; тамъ намѣренъ я расположить мое пребыванїе и пещись притомъ о Вашемъ спокойствїи. Впротчемъ, теперь прикопилось у меня столько дѣлъ, что никакъ не можно мнѣ, по истиннѣ, заниматся долго бездѣльными затѣями Вашей дуры: пообождите, пожалуйте, лишъ окончанїя сего похода, тогда то уже постараемся мы купно поволочить ее повсюду, куда только угодно Вамъ будетъ. Прощайте между тѣмъ, любезный Маркизъ; я приемлю Васъ заочно въ мои объятїи.

Письмо 39ᵉ.

Все то, что Вы ни говорите лишъ мнѣ, любезный мой Маркизъ, не въ силахъ никогда убѣдить меня въ томъ, чтобъ положенїе мое можно было почитать хорошимъ. Все щастїе купно вооружилось нынѣ противъ меня, вижу я.

Я перешелъ уже чрезъ Эльбу; третьяго дня хотѣлъ было я напасть на *Ласція*; но онъ подвинулся заблаговременно назадъ; и такимъ то образомъ уничтожаются всѣ мои намѣренїи одно за другимъ. Завтра же прибудетъ все Имперское войско къ Дрездену; тамъ остановится оно, и тогда то превзойдетъ *Даунъ* предо мною всѣми своими силами такъ, что я не предвижу изъ того ничего для себя добраго. Между тѣмъ, *Лаудонъ* осаждаетъ Глацъ; а въ Силезїи находится не болѣе единой горсти людей, кои никакъ не въ силахъ подать какой либо помощи: однѣмъ словомъ, со всѣхъ сторонъ щитаю я себя уже погибшимъ. Самое даже благоразумїе благопрїятствуетъ мнѣ не болѣе нынѣ, какъ и война; ни одно изъ моихъ предпрїятїй не удается уже мнѣ болѣе; и я готовлюсь уже къ воспрїятїю всякаго рода злощастїя, какое ни предопредѣлитъ лишъ мнѣ горестная моя участь. Вы, съ стороны Вашей, обозрѣваете всѣ противоборствїи токмо издали, зная лишъ вполы всѣ обстоя-

тельства; а потому то самому и рождается въ Васъ нѣкая ко всему безопасность, коей бы Вы конечно не имѣли, естьлибъ только могли Вы постигать ясно всю истинну. Итакъ, пожалуйте будьте удостовѣрены въ томъ, что я уже и безъ особливаго какого либо чуда щитаюсь пропадшимъ, такъ что весьма много будетъ того, естьли промаюсь я въ таковомъ положенїи до Сентября мѣсяца. Въ подобныхъ моимъ обстоятельствахъ недостаточны никакїя ни знанїи ни искуства болѣе; къ тому принадлежатъ развѣ однѣ сверьхъ естественныя вещи; а что оныя не послѣдуютъ уже паки, то знаете и Вы о томъ довольно: короче сказать, я нахожусь въ престрашномъ состоянїи, въ каковомъ Государь едва ли токмо быть когда можетъ; я вижу себя непримѣтно истаевающимъ, на подобїе страждущего воденою болѣзнїю, который щитаетъ со дня на день всѣ слѣды своей немощи, взираетъ на то съ сокрушеннымъ духомъ, какимъ образомъ лишаютъ

его жестокосердные предвѣстники смерти мало по малу онаго членовъ, и ожидаетъ съ часу на часъ того только, когда смерть коснется своимъ серпомъ до онаго сердца. Весь фарфоръ Вашъ впротчемъ отправленъ отсюда, и думаю, что оный привезенъ уже въ Берлинъ. Употребляйте его, пожалуйте, съ пользою, буде оный понравится Вамъ только; но не льстите лишъ себя съ лишкомъ много неосновательнымъ упованїемъ, кое можетъ легко повертнуть Васъ совсемъ въ странное заблужденїе; а между тѣмъ, прощайте, Возлюбленный мой, я держу Васъ заочно въ моихъ объятїяхъ.

Письмо 40ᵉ.

Не видите ли Вы того теперь ясно, Любезный мой, что всѣ вообще тайности Госпожи *Талїяцухи* ничто иное были, какъ токмо однѣ лишъ некоры-

стныя переполосканныя отрепья, такъ какъ я предсказывалъ о томъ; но между тѣмъ приказалъ я однакожъ задержать того удалаго плута: ибо, чтобъ обмануть кому меня, то надлежитъ тому прежде обольстить меня самаго чемъ ни есть; а то то самое и не легко, сказать правду. Ктомужъ, могъ бы удобно сей человѣкъ сообщить моимъ непріятелямъ такія извѣстіи, кои почерпнуты имъ можетъ быть изъ нечистаго источника, и кои въ силахъ бы были скорѣе оныхъ повергнуть въ заблужденіе, нежели наставить ихъ въ чемъ либо полезномъ для нихъ. Впротчемъ, я и по сіе еще время въ томъ же самомъ положеніи, въ каковомъ былъ я уже за недѣлю предъ симъ; но непріятель тронется, надѣюсь, вскорѣ съ мѣста, потому что началъ онъ дѣлать всякія пріуготовленіи къ своему отступу; а тѣмъ то самымъ и окончится мой нынѣшній походъ противъ Россіянъ. Не смотря однакожъ на то, все еще останется мнѣ довольно много работы; и хотя тѣлесныя

мои силы подлинно слабы нынѣ; но то не удержитъ меня отъ оной никакъ; ибо, покамѣстъ не оставятъ онѣ меня вовсе, потудова пребуду я непоколебимъ въ моей должности.

Между тѣмъ тружусь я безпрестанно все еще надъ моимъ сочиненїемъ о *Карлѣ* XIIмъ. Оное будетъ служить настоящею, такъ сказать, цѣпью различныхъ разсужденїй, что самое требуетъ немалаго раченїя и вниманїя; а потому то и работаю я его нѣсколько мѣшкотно. Выборъ мой палъ на то потому, что я узрѣлъ самаго себя точно въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, кои наипаче учинили *Шуленберга* знаменитымъ чрезъ онаго отступленїе. Преисполненный героическими мыслями весь мой духъ, кои всячески покушаюсь я разсѣять, упражненъ толико подобными сему предмѣтами, что я не въ силахъ и обратить его даже на что либо другое; такъ что по окончанїи войны намѣренъ я также, какъ и протчїе, искать себѣ мѣста въ Инва-

лидномъ домѣ: ибо, до того уже доведенъ я почти нынѣ. Естьли случится только Вамъ увидѣть меня паки, то конечно найдете Вы меня уже весьма состарѣвшимся; власы мои начали совсемъ сѣдѣть, зубы стали выпадывать, да и самъ я содѣлаюсь, безъ сомнѣнїя, скоро уже настоящимъ ребенкомъ. Итакъ, по истиннѣ, не слѣдуетъ намъ удручать чрезчуръ много тѣлесныя наши силы; по елику чрезмѣрное ко всему принужденїе усыпляетъ ихъ совершенно. Вамъ не безъизвѣстно то, надѣюсь, самимъ, что расказываютъ о *Блаизѣ Паскалѣ*. Сами Вы сказывали мнѣ, помнится, что Вы, въ бытность Вашу въ Голландїи, приведены были отъ упражненїя въ сочиненїяхъ въ толикое изнеможенїе, что потребно Вамъ было немалое время для Вашего успокоенїя, дабы лишъ придти паки въ прежнее состоянїе. Вашъ предшественникъ *Баклъ* испыталъ тожъ самое; да и я, тотъ самый, который недостоинъ снимать даже съ ногъ Вашихъ туфли, хотя впротчемъ и дале-

ко еще не достигъ до того; но чувствую уже однакожъ сильное приращенїе въ моихъ немощахъ и крайнее изнеможенїе всѣхъ моихъ силъ: однѣмъ словомъ, непримѣтнымъ образомъ теряю я весь тотъ жаръ, который необходимо нуженъ для произвожденїя въ дѣйство по надлежащему моего рукомесла.

Еще осталось намъ съ мѣсяцъ времени на то, покудова не окончается совсемъ сей походъ; и тогда то увидимъ мы ясно, что произведетъ новаго наступающая зима. Впротчемъ, пришлите ко мнѣ, пожалуйте, Вертота о смятенїяхъ Римской Имперїи и Швецїи; а притомъ не забывайте также всѣхъ Вашихъ друзей, пребывающихъ въ чистилищѣ; паче жъ всего будьте на всегда удостовѣрены о моей къ Вамъ искренности и почтенїи, и за тѣмъ прощайте, Маркизъ.

Письмо 41е.

Между умословіемъ и догадливостію есть великое различіе, любезный мой Маркизъ. Всѣ рѣшеніи Математиковъ весьма строги и обстоятельны, по елику заключаютъ онѣ въ себѣ всю возможность, или довольно внятные предмѣты природы: но естьли дойдетъ до того, что надобно будетъ проникать въ связь какихъ либо совокупныхъ вещей, тогда прерывается непремѣнно вся цѣпь отъ самомалѣйшаго незнанія всякихъ неосновательныхъ и невразумительныхъ обстоятельствъ; ибо, поминутно почти обманывается притомъ каждый: причиною тому ничуть не есть какой либо недостатокъ здраваго разума, а единый лишъ недостатокъ согласныхъ съ истинною понятій; ктомужъ слѣдуетъ присовокупить еще непостоянство человѣческихъ мыслей и самую даже невозможность распознавать всѣ затѣи, вселяющіяся человѣку въ голову. По

сей то самой причинѣ, любезный Маркизъ, погрѣшили и Вы равномѣрно въ Вашемъ сужденіи о Французахъ, которые не заключатъ конечно прежде мира, покамѣстъ не достигнутъ они настоящей, такъ сказать, цѣли совершенной ихъ погибели. Не менѣе того заблуждаетесь Вы также и въ заключеніяхъ Вашихъ о другомъ народѣ, потому что Вы ничуть не изъ числа какихъ либо прорицателей будущаго; а потому то, слѣдственно, и не льзя Вамъ никакъ представлять себѣ всѣ вещи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ есть подлинно. Вы ошибаетесь тожъ и въ разсужденіи моего войска. Но во всѣхъ сихъ заблужденіяхъ, упоминаемыхъ мною здѣсь, не участвуетъ нимало Вашъ разумъ; одно лишъ Ваше заключеніе, которое впрочемъ весьма правильно, сооружается токмо на ложныхъ основаніяхъ. Что иный Военачальникъ, знающій довольно свое искуство, можетъ удобно съ пятьюдесятьми тысящей противостоять войску, состоящему изъ осьмидесяти тысящей,

то говорилъ я безспорно; но того не утверждалъ я никогда, чтобъ съ пятью-десятьми тысящей человѣкъ возможно было управится противъ ста двадцати тысящей непрїятелей: ибо, естьли Военачальникъ тотъ, который управляетъ столь многочисленнымъ войскомъ, не есть еще сущїй дуралѣй, такъ сказать, то не преминетъ онъ конечно довести непрїятеля своего разными отдѣленными корпусами отвсюду до самой крайности, и истребить его въ короткое время вконецъ. Яжъ, съ моей стороны, напротивъ того, любезный Маркизъ, осужденный злощастною моею планетою на то единственно, чтобъ философствовать о будущихъ случайныхъ произшествїяхъ и вѣроятностяхъ, употребляю все мое къ тому неутомимое вниманїе, дабы лишъ изслѣдовать со всякою точностїю то самое правило, отъ котораго бы начать дѣлать всѣ свои заключенїи, и преобрѣсти всѣ возможныя познанїи о семъ самомъ дѣлѣ; но безъ таковой осторожности разру-

шилось бы конечно до подошвы все огромнѣйшее зданiе моихъ заключенiй, и развалилось бы, безъ сомнѣнiя, такъ какъ изъ картъ составленный домъ. Итакъ, весьма прiятно для меня то, по истиннѣ, что Вы, будучи Философомъ, удостовѣрились нынѣ изъ Вашего небольшаго опыта о томъ препятствiи, которое обыкновенно встрѣчается тогда, когда слѣдуетъ въ подобномъ мракѣ, безъ всякаго свѣта и даже безъ всякаго, говорю, мечтательнаго луча, устроивать себѣ надлежащiй путь; а потому то и надлежитъ, слѣдственно, судить, какъ о Политикѣ, такъ и о Воинѣ съ нѣкоторою понаровкою. Должно полагать, что всякiй Военачальникъ можетъ легко какимъ либо ложнымъ извѣстiемъ, или самымъ движенiемъ непрiятеля, неизвѣстнымъ ему вовсе, доведенъ быть до великихъ погрѣшностей; да и бываютъ даже такiе случаи, когда таковое его незнанiе ничемъ непреодолимо. Съ Политиками случается также не лучше того; ибо, единая мысль правительствующего Вла-

стелина, единый лишь придворный умысл, единая, говорю, смерть дорого подкупленной какой либо твари, приводит уже в крайнее замешательство весь образ всей оных Системы; так что, не смотря на всю их великую предосторожность, не в силах она нимало препятствовать щастию, властвовать во всей онаго силе. Итак, во уважение всего сего, извините, пожалуйте, все мои таковыя разсуждении; оне послужат мне конечно вместо некоей защиты, и могут поменьшей мере удостоверить Вас в том, что я не непосредственно был причиною всем содеянным мною многим ошибкам. Естьлиж бы сделал я еще Вам обстоятельнейшее описание всему моему положению, тогда бы увидели Вы непременно при перьвом Вашем взгляде всю причину той величайшей крайности, в которой я нахожусь и поныне; и должны бы были, без сомнения, в том признатся, что все человеческое благоразумие никак недостаточно, чтоб могло свободно из того выпутатся.

Оконча сіе, поговоримъ теперь нѣчто о граверѣ: книгопродавецъ долженъ получить однѣ только рѣзныя доски, принадлежащія къ разнымъ смѣшаннымъ стихотвореніямъ; протчее же все пусть останется у ковача.

Между тѣмъ, желаю я Вамъ въ изящномъ Вашемъ домостроительствѣ всякаго щастія, любезный мой Маркизъ. Около Вашего столоваго прибора трудятся нынѣ со тщаніемъ, и я уповаю, что Вы онымъ довольны будете; въ двѣ недѣли поспѣетъ онъ, думаю, конечно, который не премину я тотъ же часъ препроводить къ Вамъ, естьли только буду я на то время самъ здѣсь.

Впротчемъ, будьте здоровы, любезный Маркизъ, любомудрствуйте себѣ спокойно въ Берлинѣ, и благодарите Вашу судьбу, которая не принуждаетъ Васъ никакъ умствовать о предбудущихъ случаяхъ, а наипаче о людскомъ своенравіи.

Яжъ между тѣмъ остаюсь на всегда Вашимъ искреннимъ другомъ.

Письмо 42.

Съ моимъ творенїемъ, любезный Маркизъ, можете Вы поступать такъ, какъ Вамъ угодно. Нещастїе, кое постигло лишъ теперь Генерала *Финка*, тронуло меня столь сильно, что я и по сїе время не могу еще совсемъ оправится отъ моего чрезмѣрнаго ужаса. Дѣйствїе онаго привело всѣ мои предпрїятїи въ совершенную разстройку, и досязаетъ до самой даже глубины моего сердца. Однѣмъ словомъ, злополучїе, разящее мою старость, преслѣдуетъ меня безпрестанно съ самаго моего похода въ Силезїю; но не взирая однакожъ на то, стану я противъ того боротся потудова, покамѣстъ лишъ будетъ мнѣ возможно. Впрочемъ, небольшая ода на судьбу, которую послалъ я къ Вамъ, сдѣлана нѣсколько раненько: ибо, до настоящей побѣды не льзя еще никакъ воспѣвать радостныхъ пѣсней. Встрѣчающїяся со мною различныя бѣдствїи и противо-

борствіи удручили уже меня толико, что желаю я себѣ безпрестанно смерти, и часъ отъ часу устаю, такъ сказать, охранять даже изнеможенное, предопредѣленное къ страданію, тѣло мое. Сіе пишу я Вамъ въ самое перьвоначальное мгновеніе моего сильнѣйшаго мученія; потому что страхъ, тоска, досада и озлобленіе терзаютъ всѣ совокупно весь мой духъ: мнѣ остается лишь только дождатся единаго конца сему страшному походу; тогда то увѣдомлю я Васъ о всемъ, что изъ меня ни послѣдуетъ, и стану уже пещись о прочемъ. Итакъ, пожалуйте, пособолѣзнуйте о моемъ состояніи, и не распущайте о томъ никакихъ слуховъ: ибо, злословіе распространяется и безъ того само собою довольно преждевременно; а между тѣмъ прощайте, любезный Маркизъ. „Quando avrai fine il mio tormento?„ То есть: *„Когда будетъ имѣть конецъ мое мученіе?„*

Письмо 43е.

Всѣ мои дѣла начали было уже имѣть довольно порядочный видъ, какъ вдругъ потревожилъ ихъ нѣкій изъ политическихъ случаевъ, котораго ни предвидѣть, ниже отвратить какимъ либо образомъ не было возможности; о протчемъ же о всемъ узнаете Вы конечно сами. Миръ съ Россїею хотя и состоится несомнѣнно; но лишъ союзъ весь превратится въ ничто. Впротчемъ, всѣ войски бывшихъ моихъ непрїятелей возвращаются уже паки назадъ въ Россїю, и я остаюсь теперь опять одинъ. Между тѣмъ однакожъ, поколотили мы еще два изъ Австрїйскихъ Деташемента; теперь остается только паче всего о томъ заботится, дабы преобрѣсти намъ чрезъ то удобнѣйшїй случай, произвести нѣчто достойное въ дѣйство; но поелику сомнѣваюсь я въ томъ крайнѣ, то и нахожусь я снова въ принужденномъ, затруднительномъ и щекотливомъ положенїи. Однѣмъ

словомЪ, я похожЪ нынѣ на сущій кубарь вЪ рукахЪ щастія, кое дѣйствительно изволитЪ тѣшится мною. Мы взяли, правда, севодни до тысящи человѣкЪ непріятелей вЪ плѣнЪ, и овладѣли притомЪ также четырнадцатью разными пушками; но полно тѣмЪ не рѣшилось еще ничего; а все то, что не производитЪ лишЪ совершеннаго чему вершенія, усугубляетЪ токмо тѣмЪ паче все мое безпокойство. ЧтожЪ вЪ Берлинѣ и по протчимЪ мѣстамЪ многое идетЪ совсемЪ на выворотЪ, тому я охотно вѣрю: да что остается мнѣ сказать на то? Все вообще устроивающая судьба сильнѣе меня несравненно; я принужденЪ уступать оной власти во всемЪ. Жестокая печаль снѣдаетЪ мое сердце; крайнее мое бѣдствіе едва ли имѣетЪ предѣлы: чтожЪ остается мнѣ притомЪ инаго дѣлать, какЪ не держатся единаго лишЪ во всемЪ терпѣнія? ИтакЪ, естьли и пишу я ВамЪ на сей разЪ нѣсколько простовато, то отнесите то, пожалуйте, на щетЪ одной токмо политики; я уже соскучилЪ

ею столь много, что отрексяб бы я, думаю, тогда отъ цѣлаго свѣта, когдабъ только могъ я единожды прекратить сїю пагубную для меня войну.

Затѣмъ прощайте, Возлюбленный мой; Вы находитесь среди моихъ объятїй.

Письмо 44[е].

Ваше письмо, любезный мой Маркизъ, застало меня въ настоящемъ, такъ сказать, мученїи родами: мнѣ непремѣнно надобно разрѣшится отъ бремени Швейдницемъ; отвсюду долженъ я прикрывать его отъ *Дауна*, который нарочно приказалъ цѣлой дюжинѣ изъ своихъ подчиненныхъ около онаго безпрестанно слонятся скрытно съ тѣмъ единственно, дабы все мое намѣренїе обратить въ ничто; а сїе то самое и принуждаетъ меня неутомимо быть внимательнымъ на всѣ вообще движенїи моего непрїятеля и на всѣ о немъ сплошъ извѣстїи, кои

стщусь я собирать вездѣ. Итакъ, изъ сего можете Вы заключать, слѣдовательно, что бѣдная моя голова не то то что расположена теперь къ стихотворству. Опорочиваемый Вами впрочемъ стихъ будетъ конечно совсемъ исправленъ; это сущая малость; только я прошу себѣ на то время до самаго окончанія осады, которая между тѣмъ идетъ по сіе еще время довольно удачливо. Я могу Вамъ даже за то божится, что я ничуть не тщеславлюсь тѣмъ; а приписываю лишъ весь благополучный успѣхъ моихъ предпріятій единому токмо случаю и моимъ войскамъ, не будучи нимало зараженъ какимъ либо почтарскимъ дурачествомъ; но естьли Вамъ угодно изъ нихъ сколько ниесть къ Вашему удовольствію, то можете Вы имѣть то безъ всякаго сомнѣнія. Издатели вѣдомостей наврали, какъ кажется, Вамъ опять нѣчто, сообразуясь, чаятельно, похвальной своей привычкѣ: ибо, извѣстіе то помѣщено въ общенародные листы по данному на то поводу отъ Варшавска-

го Двора, дабы лишъ успокоить весь народъ шествіемъ Татарскаго Хана, стоящего еще на границѣ. Теперь однакожъ не скажу я Вамъ ничего ни о Понтѣ, ни о Восточномъ Государствѣ; я уже, право, итакъ усталъ проповѣдывать будущее; а буду увѣдомлять лишъ Васъ только объ однѣхъ настоящихъ дѣлахъ: потерпите токмо, пожалуйте, немного. Нынѣ же напротивъ того, устремляю я все мое вниманіе на произведеніе въ дѣйство моего предпріятія; повѣрьте мнѣ, что на то и молодому человѣку будетъ довольно много дѣла; а не только такому дряхлому старику, который извешшалъ и изжилъ уже свой вѣкъ, такъ какъ я, котораго память часъ отъ часу увядаетъ, у котораго притупились всѣ его чувства, и вся сила онаго разума стала тому же самому подвержена. Всему есть время въ нашей жизни, по истиннѣ. Въ моемъ теперешнемъ состояніи, любезный Маркизъ, потребны только однѣ книги, разговоры, покойныя кресла и теплая горница, а вскорѣ, можетъ быть,

потомъ и могила: вотъ все тутъ, что остается лишъ для меня, и чего желать мнѣ должно. За тѣмъ прощайте, любезный Маркизъ, пребывайте благополучны и спокойны; а притомъ не забывайте и меня также.

Письмо 45.

Всѣ мои войски, любезный Маркизъ, вынесли весьма мужественно все усилїе въ наступленїи и оборонѣ своихъ непрїятелей. Я одинъ даже, бѣдный философъ, приемлю толико же участїя въ томъ, сколько одинъ человѣкъ противъ двадцати пяти тысящъ. Вы издѣваетесь впротчемъ надъ изнуренїемъ гладомъ Саксонцевъ; но подобныхъ симъ людей не можно иначе обуздать въ оныхъ упрямствѣ, какъ не совсемъ особыми къ тому средствами: ибо, чтобъ укротить совершенно подобнаго *Лукуллу*, то нѣтъ, по истиннѣ, лучшего способа, какъ только за-

ставить его попоститcя нарочитое время. На полученное мною перьвое письмо Ваше не отвѣчалъ я потому, что былъ тогда, подлинно, за горами и за долами; честнаго же отца Игумна оставилъ я между тѣмъ въ Саксонїи, для того, что не хотѣлось мнѣ запачкать чистыхъ его рукъ Каѳолическою кровїю; а Французы пришли въ сущее умоизступленїе, какъ вижу я: поелику никакихъ такихъ неприличныхъ выраженїй, какїя приписываютъ они мнѣ, нѣтъ, да и не бывало вовсе. Итакъ, едва ли не льзя теперь сказать того, что все благосостоянїе Францїи зависитъ токмо отъ Австрїйскаго Дома, и что слезы Дофинины несравненно убѣдительнѣе были, нежели весь мой Манифестъ противъ Австрїйцевъ и Саксонцевъ. Словомъ, Возлюбленный мой, меня самаго крушатъ жестоко слѣдствїи потрясенїя земной поверьхности, кои вскружили крайнѣ всѣ политическїя головы въ Европѣ. Между тѣмъ однакожъ, желаю я Вамъ всякаго спокойствїя, здравїя и удовольствїя. Прощайте.

Письмо 46.

Храня свято мое слово, любезный Маркизъ, сообщаю я Вамъ нынѣ совсемъ еще новинькое прїятное извѣстїе, которое получилъ я и самъ лишь теперь только. Нашъ союзникъ, Ханъ, находится уже на пути со 100000 войска къ Яссамъ; мнѣ же между тѣмъ препровождаетъ онъ 26000 Татаръ для вспоможенїя; а Турки съ своей стороны поспѣшаютъ сломя голову въ Адрїянополь. Признаюсь Вамъ, что мнѣ удалось наконецъ соединить ихъ и Россїи обоюдную пользу, и вооружить обѣихъ сихъ Державъ силы противъ Австрїйскаго Дома. Не легко было то для меня, по истиннѣ; но дабы довести оба сїи Двора къ совершенному между собою согласїю, владычествующему уже нынѣ между ими, то непремѣнно должно было всячески старатся сколько возможно соединить другъ съ другомъ толь разнообразныя пользы: сїе послужитъ настоящимъ возмездїемъ за то са-

мое, что мнѣ содѣлалъ *Кауницъ*; и я уповаю даже съ помощїю сильнаго Провидѣнїя восплатить наконецъ за все то зло моимъ непрїятелямъ, которое они учинили уже мнѣ, и паки учинить намѣрены. Итакъ, не удивляйтесь, пожалуйте, Вы болѣе всему моему бездѣлїю, и будьте удостовѣрены въ томъ, что я въ одинъ мѣсяцъ сдѣлаю болѣе, нежели могъ тожъ самое сдѣлать во всѣ прошедшїе походы во время цѣлаго года, сколь скоро лишъ возъимѣетъ вся моя машина надлежащее ея дѣйствїе. Сїе столь важное произшествїе оставитъ конечно память потомству по меньшей мѣрѣ на цѣлую половину столѣтїя о сей упорной и жестокой войнѣ. Чего ради, утѣшайте себя, мой Возлюбленный, тѣмъ, что Вы впредь будете получать однѣ лишъ радостныя извѣстїи о нашихъ войскахъ; ибо, въ Iюлѣ и въ Августѣ не преминемъ мы дѣйствительно оказать съ своей стороны величайшихъ подвиговъ, такъ чтобъ каждый нашъ слѣдъ могъ тѣмъ паче приближить насъ къ

миру и къ благоденствїю нашего изнеможеннаго народа. Я начинаю уже льстить себя тѣмъ, что найду скоро или цѣлительнѣйшую мазь для исцѣленїя всѣхъ нашихъ язвъ, либо цѣлительнѣйшїй бальзамъ отъ нашего пылкаго воспламенѣнїя, буде Вамъ то угодно лучше. Между тѣмъ однакожъ прощайте, любезный мой Маркизъ; повѣрьте мнѣ въ томъ, что не всегда можно быть въ состоянїи сообщать извѣстїи подобной важности. Но я удѣляю Вамъ оныя съ удовольствїемъ, по елику увѣренъ я съ лишкомъ въ томъ самомъ участїи, кое приемлете Вы не только во всемъ, до меня касающемся; но и въ самомъ даже благосостоянїи той страны, которою предопредѣлено мнѣ управлять. За тѣмъ, объемля Васъ заочно, ласкаюсь я и вправду уже видѣть Васъ паки у себя въ Сан-суси.

Письмо 47.

Я бы желалъ, право, любезный Маркизъ, сообщать Вамъ каждый день прïятныя извѣстïи; но на сей разъ нѣтъ у меня ничего инаго, кромѣ того, что Швецïя заключитъ немедлѣнно миръ; что къ 20 числу надѣюсь я имѣть и о нашемъ мирѣ съ Россïею также совершенное удостовѣренïе; а притомъ, что около сегожъ времени уповаю я получить равномѣрно извѣстïе и изъ того самаго мѣста, гдѣ Вы были вмѣсти съ Господиномъ *Андреселемъ*: такъ какъ и изъ тѣхъ странъ, коими въ древнïя времена управлялъ *Митридатъ*, увѣдомленъ я нынѣ о такихъ вещахъ, которыя произвели во мнѣ съ лишкомъ много удовольствïя; съ тою только разностïю, что наипрïятнѣйшее изъ всего того дойдетъ до ушей моихъ не прежде, какъ развѣ по прошествïи мѣсяца. Не смотря однакожъ на толикое множество благопрïятныхъ для меня утѣхъ, не можете

Вы представить себѣ того, колико обезпокоенъ я съ другихъ сторонъ, откудова, истинно, менѣе всего могъ ожидать того. Короче сказать, я почитаю уже себя къ тому предопредѣленнымъ отъ самой Вѣчности, дабы и во дни самой дряхлости моей даже могъ испытать я совершенно всю мою твердость въ терпѣнїи. Итакъ, Владыко мой, буди воля Твоя! Быть инъ тому такъ, Маркизъ; я сдѣлаюсь, по этому, терпѣливымъ; да и все тутъ: но я увѣренъ впротчемъ, что по окончанїи щета вся прибыль останется на моей сторонѣ. *Даунъ* и вся вообще почти военная сила Австрїйсцевъ купно опрокинутся здѣсь на меня непремѣнно; и сїе самое надѣлаетъ мнѣ весьма много хлопотъ, такъ что безъ особливой удачи будетъ мнѣ стоить немалаго труда довершить эту прескучную войну. Между тѣмъ однакожъ, оставайтесь благополучнымъ, любезный мой Маркизъ, храните ко мнѣ на всегда Вашу дружбу; а о моей къ Вамъ будьте также удостовѣренными.

Письмо 48.

Ваше письмо, любезный Маркизъ, получилъ я безъ означенія въ немъ вовсе числа и мѣста; слѣдовательно, легко можно заключить мнѣ, что оное пожаловало ко мнѣ или изъ Карѳагенскихъ развалинъ, либо изъ Кохинхинскаго Королевства: естьлижъ и заставляетъ меня нѣчто догадыватся о томъ, что Вы находитесь теперь въ Провансѣ, то причиною тому ничто иное, какъ лишъ то, что съ самаго Вашего отсель отъѣзда всѣ газеты наполнены различными описаніями о нѣкоемъ чудовищѣ, причиняющемъ въ Провансѣ ужаснѣйшія опустошеніи: тѣмъ самымъ никто другой не можетъ быть, кромѣ однихъ токмо Васъ; ибо, во Франціи должны Вы непремѣнно признаны быть или настоящимъ Прусакомъ, или, по меньшей мѣрѣ въ Версалліи, сущимъ чудовищемъ; да когдабъ и того не было, то всякъ, увидя Васъ окутаннымъ въ Вашей епанчѣ съ клобу-

комъ на головѣ и съ платкомъ передъ носомъ, а наипаче тотъ, который не приобыкъ еще смотрѣть на образъ подобной сей фигурѣ, сочелъ бы Васъ тѣмъ непремѣнно, потому что въ такомъ нарядѣ, кажетесь Вы, признаюсь Вамъ, довольно страшными. Судя же по газетамъ, пожираете Вы будто бы и дѣтей и женщинъ. Ахъ, какъ Вамъ не стыдно! Не уже ли довели Вы себя нынѣ до столь мерзкой привычки? Сколь долго ни знаю я Васъ, однакожъ никогда не были Вы, помнится мнѣ, тому причастнымъ; но полно въ путешествїи перемѣняются и сплошъ у человѣка склонности. Положимъ же, что и сей слухъ несправедливъ также вовсе, то все таки остается то на собственной Вашей совѣсти, что Вы содѣлались теперь изъ совершеннаго Янсениста настоящимъ Езуитомъ, поелику братъ Вашъ *Эгвиллъ* сущїй Езуитъ также, и поелику подарилъ онъ Васъ какимъ то, слышалъ я, изряднымъ помѣстьицемъ, дабы лишъ Васъ соблазнить тѣмъ пуще. Итакъ, надъ

Вами, Маркизъ, какъ кажется, збывается подлинно сія простонародная въ свѣтѣ пословица: „*Съ волками вмѣсти научисся и выть по ихнему.*„ А что Вы приемлете иногда на себя добровольно разнаго рода болѣзни, тому я охотно вѣрю; только оное дѣлаете Вы для того, чтобъ, скитаясь по дремучимъ лѣсамъ, наводить лишъ тѣмъ удобнѣе на цѣлыя Провинціи чрезмѣрный страхъ. Но не удовольствовавшись еще тѣмъ, что возмутили весь Провансъ, хотите Вы и весь даже Парижъ повергнуть въ крайнее безпокойство. Чтожъ скажетъ тогда мой Братъ, христіяннѣйшій Король Французскій, когда узнаетъ онъ только, что самое сіе чудовище, мой Камерьгеръ, прибылъ туда съ тѣмъ единственно, дабы принести своей жадной гортани въ жертву дѣтей Версалльской Парки, лѣсовъ Стуарскихъ и рощей около Фонтенебля? И такъ уже цѣлый эскадронъ драгунъ посланъ противъ Васъ въ Провансъ, слышу я; а изъ Парижа назначена туда же вся Французская Гвардія въ походъ; и съ ка-

кимЪ бы искуствомЪ Вы, какЪ сказываютЪ, ни изволили перепрыгивать сЪ одного сучка на другой, однакожЪ уповаютЪ всѣ безЪ изЪятія низложить уже ВасЪ изЪ ружья. Но положимЪ, что и сему Вашему обжорству положили бы Вы конецЪ, и стали бы довольствоватся, будучи вЪ Парижѣ, одною рыбою и мясомЪ, такЪ какЪ всѣ проччія честныя люди, обселяющія ту часть земной поверьхности; то, не смотря на то, не поднимутЪ ли тогда снова ужаснѣйшего крика всѣ издатели общенародныхЪ вѣдомостей? Ибо, люди сіи силились утверждать всячески, что ВамЪ поручены яко бы дѣла толикой важности, о коихЪ и самЪ даже я не знаю вовсе. ИтакЪ, едва лишЪ спознаютЪ о ВасЪ вЪ Парижѣ, то не преминутЪ онѣ всѣми силами распестрить еще болѣе всѣ свои лжи, и чрезЪ то самое доставить имЪ вЪ публикѣ всевозможную довѣренность; весь Министерскій факултетЪ придетЪ тогда вЪ совершенное движеніе, сколь скоро лишЪ провѣдаетЪ

о Вашемъ туда прибытіи; лазутчики станутъ повсюду бѣгать рысью; и ложныя заключеніи распространятся тѣмъ еще пуще; всежъ сіе вообще будетъ служить едиными токмо плодами всего Вашего путешествія. Но что потомъ думаете Вы начать? Весь Вашъ доходъ составлять будетъ Ратуша, который, безъ сомнѣнія, доставлять Вамъ будутъ исправно. — Захотите ли Вы когда побесѣдовать съ кѣмъ изъ Вашихъ друзей, то во всякое время можете Вы тѣмъ пользоватся слово слово такъ, какъ бы жили Вы въ нѣкоей деревнѣ по близости города, гдѣ всѣ тѣ люди, съ коими Вы имѣть будете дѣло, не преминутъ посѣщать Васъ всегда. Чего ради, не лучше ли возвратится Вамъ, думаю я, паки чрезъ Бриссель назадъ въ Везель; только, Бога ради, удержитесь, пожалуйте, на пути пожирать малыхъ ребятъ: ибо мясо, право, вездѣ дешево; Вы можете его получать повсюду; а буде сила вообраrepresentation Вашего распалилась столь сильно въ Провансѣ отъ солнечнаго

зноя, что Вы отъ того самаго принуждены напослѣдокъ и по неволѣ играть роль чудовища, то думаю, что Вестфальскій сырый климатъ въ силахъ будетъ остудить довольно всю Вашу голову такъ, что Вы, по обратномъ Вашемъ возвращеніи, сдѣлаетесь опять тѣмъ же самымъ, чѣмъ были Вы и при Вашемъ отсюда отъѣздѣ. Итакъ, ожидаю я Васъ, Маркизъ, непремѣнно къ себѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ; и тогда еще почту я ѣзду Вашу чрезчуръ поспѣшною, потому что извѣстные свѣту три Царя, сколько мнѣ помнится, полагали обыкновенно на четырнадцать дней не болѣе тринадцати миль разстоянія. Однѣмъ словомъ, Вы будете, надѣюсь, при семъ случаѣ во всемъ поступать по сродному Вамъ благоразумію; и я предоставляю съ моей стороны, какъ самое сіе Ваше намѣреніе, такъ и все проччее, до Васъ лишъ касательное, всесильному покровительству превѣчнаго Творца.

Письмо 49е.

Все еще щитаюсь я посреди живыхъ на семъ свѣтѣ, и не запрятанъ въ землю, любезный Маркизъ; лихорадка моя оставила уже меня вовсе, и я обрѣтаюсь теперь такъ, какъ и всякїй здоровый человѣкъ. Сила воображенїя Вашего расписываетъ Вамъ, вижу я, все предбудущее весьма обольщающею кистью; напротивъ же того моя, которая гораздо менѣе живѣе и пылчѣе, нежели Ваша, не представляетъ мнѣ ничего инаго, кромѣ единыхъ лишъ замѣшательствъ, бѣдствїй, препятствїй, опасностей и злоключенїй, угрожающихъ меня безпрестанно. Я хотя и получилъ уже извѣстїе о Салемѣ; но полно дѣло сїе не совсемъ еще окончано; меня манятъ все одною токмо прїятною надеждою, а мнѣ потребно настоящее тому исполненїе. При всемъ томъ однакожъ, жду я къ 10 числу курїера, который привезетъ ко мнѣ, надѣюсь, и помощъ и добрыя вѣсти. Чтожъ принад-

лежитъ до Россіи, то тамъ идетъ все по желанію; но оттуда прежде не могу я имѣть достовѣрныхъ о томъ извѣстій, какъ развѣ около шестагонадесять, или осьмагонадесять числа сего мѣсяца. Итакъ, пообождемъ того, слѣдственно, любезный мой Маркизъ; возмемъ еще нѣсколько терпѣнія: ибо, все сіе вообще составляетъ для меня настоящую школу, въ которой померкла уже и безъ того давно вся моя живность. Я влачу лишъ только безъ всякой пользы, попустому, такъ сказать, жизнь; потому что масло въ моей лампадѣ згорѣло уже все почти безъ остатка и со свѣтильнюю купно; къ великому щастію развѣ послѣдуетъ то, когда могу я еще содѣлатся подобнымъ Картузіянцу. Естьлижъ и состоялсябъ, положимъ, миръ нынѣ, то вотъ къ чему моглибы Вы употребить меня надежно: или растирать для Вашей Маркизы краски, либо списывать всякія ноты для ея скрыпицы. Въ разсужденіи чего, успокойтесь Вы лучше, Возлюбленный мой; не пекитесь, по-

жалуйте, нимало о моемъ здоровье болѣе, и увѣдомляйте меня о всемъ возможномъ, а наипаче о всемъ ученомъ, и за тѣмъ прощайте, Дорогой мой, я цѣлую Васъ.

Письмо 50.

Теперь то могу я справедливо назвать сїе письмо настоящею грамотою, потому что оно доставляетъ мнѣ наиудобнѣйшїй случай съ моей стороны Вамъ отвѣтствовать; наипачежъ благодарю я за то болѣзненнымъ припадкамъ Вашихъ членовъ, кои споспѣшествовали къ тому немало. Не видите ли Вы теперь того ясно, что вся надежда къ миру исчезла уже нынѣ вовсе; не видите ли, говорю, что непрїятели мои чинятъ наивеличайшїя прїуготовленїи къ продолженїю войны; такъ что въ теченїи трехъ недѣль времени буду я непремѣнно имѣть около двухъ сотъ двадцати тысящъ человѣкъ у себя на шеѣ: яжъ, напротивъ того,

имѣю у себя не болѣе половины предъ тѣмъ; слѣдовательно, весьма нетрудно понять то каждому, что мнѣ слѣдуетъ неминуемо пасть въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ буду наислабѣе лишъ я, и гдѣ не въ силахъ я противопоставить ничего равной силѣ множества, угнѣтающаго меня сильно. Итакъ, единое токмо средство остается еще мнѣ, да и то весьма ненадежно; естьли же и оное исчезнетъ, то тогда долженъ я буду взирать на то лишъ единственно, что представятъ моему взору обстоятельства, и что позволитъ только мнѣ обыкновенный образъ сужденія заключать справедливо. Каждый день чувствую я по три и по четыре раза вскружающеюся тогда исправно всю мою голову, когда силюсь изобрѣтать себѣ вспомоществующія къ тому средства, и не могу достигнуть къ моему въ чемъ либо намѣренію. Французыжъ, какъ кажется мнѣ, обворожены нынѣ совершенно: ибо, съ оными не льзя никакъ и начать ничего;

суда о ихъ малодушномъ и дурномъ поступкѣ, недостойномъ вовсе того образа, который всякая сильная Монархія принимать на себя должна, не могу я ничего обѣщать Вамъ добраго. Между тѣмъ, Аглинскія флотиліи выступятъ уже скоро въ море; Мартиника, Монтъ-Веаль и Пондишери суть истинные предмѣты всѣхъ оныхъ ополченій; и Французы испытаютъ то конечно, колико причиняютъ имъ вреда***, кои управляютъ у нихъ всемъ Государственнымъ кормиломъ. Сверьхъ сего, препровождаю я при семъ къ Вамъ содержаніе того письмеца къ *Помпадуръ*, которое писалъ я къ ней еще прошедшаго года, и кое привело ее совсемъ внѣ себя.

Что принадлежитъ до самой наружной части Вашего члена, любезный Другъ, то оная находится не нашутку въ крайней опасности, и я ничуть не ручаюсь уже Вамъ болѣе за ея цѣлость; понеже, истинно, не бывали никогда ни я, ни все вообще мое Государство въ толикой опасности, какъ при нынѣшнихъ обстоя-

тельствахЪ; ктомужЪ, знаете Вы уже довольно, надѣюсь, весь образЪ моихЪ мыслей, и изЪ того легко посудить можете, пожелаю ли я остатся спокойнымЪ; и стану ли сносить терпѣливо всѣ безчестїи и обезславливающїе честь поступки, коимЪ сталЪ бы я подверженЪ со стороны моихЪ злодѣевЪ. ВпрочемЪ, собранїе разныхЪ живописныхЪ картинЪ разсматривалЪ уже я, и препроводилЪ тѣмЪ самымЪ нѣсколько времени; однакожЪ, для приведенїя всего того кЪ надлежащему совершенству, потребны еще непремѣнно кЪ тому искусный *Корреджїо*, знаменитый *Юлїй РоманЪ* и изящный Италїянскїй *ІорданЪ*. Но куда и до чего не стремятся нынѣ разсѣянныя мои мысли! Статся можетЪ, что какое ниесть новое уже злополучїе готово немедлѣнно постигнуть меня паки; а я разсуждаю все еще о картинахЪ и о живописи. По истиннѣ сказать, МаркизЪ, вЪ нынѣшнїя времена не могутЪ и самыя даже наипрїятнѣйшїя вЪ свѣтѣ вещи плѣнить человѣка; все вообще пребываетЪ

вѣ толикомѣ уравненіи, что никакія здравыя понятіи не вѣ силахѣ бы были дѣйствовать, естьлибѣ не распространялѣ временемѣ нѣкій благопріятный случай проницательнаго лучезарнаго сіянія, освѣщающаго всю тьму, вѣ которой бродимѣ мы всѣ совокупно. О успѣхѣ Вашей тщательной работы не пекитесь Вы, пожалуйте, нимало; оная заключаетѣ вѣ себѣ дѣйствительно заимственное изѣ *Аристотеля* справедливѣйшее утвержденіе, гласящее тако: „СОМНѢНІЕ ЕСТЬ ПЕРЬВЫЙ ШАГѢ КѢ ПРЕМУДРОСТИ.„ Я уповаю достовѣрно, что и самимѣ Вамѣ понравится оная послѣ; чрезѣ двѣ недѣли будетѣ твореніе сіе совсемѣ готово, думаю, и тотѣ же самый часѣ препровождено кѣ Вамѣ немедлѣнно.

Между тѣмѣ прощайте, любезный мой Маркизѣ; но не забудьте, пожалуйте, по Христіянскому долгу, заставить поминать мою душу, когда придетѣ кѣ тому время: ибо заподлинно увѣренѣ я вѣ томѣ, что не ускользнетѣ она отѣ чистилища вѣ будущей жизни.

Письмо 51^е^.

Ваше письмо, любезный мой Маркизъ, застало меня паки въ пресильномъ ознобѣ; это ничто иное, какъ только одна лишъ отрыжка прилипчивой лихорадки, отъ чего многія люди страждутъ здѣсь въ городѣ, и что *Каттъ* обстоятельно описать Вамъ можетъ. Впротчемъ, оба Ваши увѣдомленіи изъ престольнаго града Парижа ознаменованы весьма явственнымъ впечатлѣніемъ легковѣрія, подлиннаго божества сея страны. Между тѣмъ однакожъ, не вѣрю я тому, чтобъ Госпожа *Ремонша* разрѣшеніемъ своимъ въ Версалліи отъ бремени оттерла яко бы совсемъ *Помпадуршу* прочь отъ Двора, потому что Король Французскій сдѣлалъ уже привычку, знаю я, обыкновенно придерживатся старыхъ своихъ знакомицъ, и возложилъ уже всю свою довѣренность на самую сію женщину, которая управляетъ всемъ его Государствомъ, семъ, или безъ мало восемъ лѣтъ, къ совершенному она-

го удовольствію; да естьлибъ сію негодницу и прогнали, положимъ, отъ Двора вовсе, то не щитайте, пожалуйте, чтобъ я могъ отъ того много выиграть. Ибо, въ предѣлахъ оной страны возстала, слышу я, сильная Саксонская партія, которая ни чемъ не менѣе также противною мнѣ будетъ. Но прилично ли полно то, подлинно, для просвѣщеннаго Двора, чтобъ производить по всей формѣ судъ надъ безпутными шалунами, кои, по единому своему невѣжеству, били нѣкоторому стишку изъ трагедіи Танкреда въ ладоши, и потомъ осуждать оныхъ, яко нѣкіихъ Государственныхъ преступниковъ! По истиннѣ, какъ это, такъ и все вообще опредѣленіе Суда и Парламента купно въ пользу Езуитовъ и противъ ихъ, достойно каждаго крайняго сожалѣнія. Однакожъ, голова моя, любезный Маркизъ, столь дурна, что я, право, не въ силахъ болѣе разсуждать теперь о томъ съ Вами; а скажу лишь Вамъ на сей разъ то, что Императоръ Россійскій дѣй-

ствительно наипревосходнѣйшій мужъ, которому долженъ я непремѣнно воздвигнуть въ честь жертвенникъ. Но между тѣмъ, прощайте, любезный мой Маркизъ. Едва, едва не свалюсь я уже съ ногъ.

Письмо 52е.

Изъ Вашего письма, отъ 16 числа пущеннаго, усматриваю я ясно, любезный Маркизъ, что Вы стали уже нынѣ судить о положеніи моихъ дѣлъ довольно справедливо. Вы постигли все, истинно, прекрасно, и видите слѣдственно, что почитаемый Вами Дацкаго Двора Министръ совершенный глупецъ. Мы имѣемъ теперь у себя одного Россіянина, того самаго, который ѣхалъ чрезъ Берлинъ нарочнымъ куріеромъ, и коимъ я, право, крайнѣ доволенъ; такъ что, судя по всему, естьли не всѣ токмо вообще правила человѣческаго благоразу-

мія сутъ какія либо нелѣпости, то непремѣнно долженъ окончанъ быть миръ съ Россіею и со Швеціею еще до открытія наступающего похода; но соображаясь съ протчими обстоятельствами, не прежде однакожъ уповаю я имѣть о томъ достовѣрныя извѣстіи, какъ развѣ въ началѣ будущего мѣсяца. Подлинно, заслуживаемъ мы не по напрасну сіи пріятныя для насъ вѣсти, буде представить лишъ себѣ то, сколь горестно и сколь мучительно должны мы были жить цѣлыя шесть лѣтъ сряду? Всякая язвина требуетъ пластыря, который необходимо нуженъ и полезенъ для оной, повѣрьте мнѣ въ томъ, Маркизъ. Не непріятно мнѣ, право, что исцѣлилъ я и Васъ нынѣ также, какъ вижу; въ политичномъ образѣ слѣдуетъ почестся сіе, дѣйствительно, изо всего наилучшимъ, что я ни учинилъ токмо во всей моей жизни. Итакъ, желаю я искренно, чтобъ самое сіе письмо послужило Вамъ новымъ подкрѣпительнымъ средствомъ, и успокоило бы Васъ совершенно.

Между тѣмъ, пришло мнѣ на умъ выдумать сказочку, которую посылаю я къ Вамъ теперь нарочно для прїятнаго препровожденїя времени; а за нею послѣдуетъ скоро и другая такая же: ибо, писать нѣчто по важнѣе не позволяютъ мнѣ безпокойныя мои мысли; а потому то и упражняюсь я нынѣ въ подобныхъ сему бездѣлицахъ. Ахъ, любезный мой Маркизъ! Избавлюсь ли я когда отъ сей несносной для меня болѣе галеры? Повѣрьте мнѣ, что никто здѣсь въ нынѣшнемъ свѣтѣ не сыграетъ глупѣе роля политичнаго кормчаго и въ любовныхъ дѣлахъ героя. *Епикуръ* судилъ, подлинно, справедливо; онаго мнимый мудрецъ не дерзалъ никакъ мѣшатся ни въ какїя Государственныя дѣла: да и мы бы сдѣлали несравненно лучше, можешъ быть, когдабъ избирали всѣ наши должности въ свѣтѣ сами собою; но полно все вообще зависитъ отъ единой лишъ участи; оная куда бы и къ чему бы ни назначила кого изъ насъ, то тотъ тамъ и быть уже долженъ. Впрочемъ, увѣдомь-

те меня, пожалуйте, радуются, или плачутъ нынѣ Берлинскіе Граждане; о мнѣ же между тѣмъ будьте увѣрены, что я пребываю все въ одинакомъ положеніи, наипачежъ въ разсужденіи Васъ; и за тѣмъ прощайте.

Письмо 53^е.

Ко мнѣ прислали всѣ мои дурачества уже напечатанными, такъ точно, какъ продаютъ ихъ во Франціи. Признаюсь Вамъ, что я нашелъ въ описаніи оныхъ съ лишкомъ много такого, что нимало не сообразуетъ съ правилами благонравія. Итакъ, сколько лишъ могъ я, передѣлалъ я ихъ всѣ безъ изъятія, и посылаю оныя теперь же къ книгопродавцу *Неольму* съ переправленнымъ притомъ мною эксемпляромъ, дабы ихъ напечатать. Малинькому *Бособру* прошу отъ меня сказать, чтобъ онъ приложилъ свое стараніе о всевозможной исправно-

сти сего изданія, потому что, сверьхъ этого числа, надобно будетъ еще снова печатать оное. Безъ всякаго сомнѣнія можете Вы быть увѣрены въ томъ, что твореніе сіе напечатано изъ единой токмо злобы, дабы возмутить противъ меня, можетъ быть, Короля Аглинскаго, или Россію паки; а потому то и необходимо нужно, чтобъ послѣднее сіе изданіе вышло нынѣ въ свѣтъ и тѣмъ самымъ опорочило бы совсемъ перьвое. Поелику нещастливъ и довольно старъ уже я, потому самому и стараются всячески вредить мнѣ, любезный мой Маркизъ; такъ что одинъ лишъ Богъ вѣдаетъ то, что со мною послѣдуетъ во время сего года. Я страшусь, правду сказать, того, чтобъ не уподобится мнѣ наконецъ чрезъ мои пророчества злощастной *Кассандрѣ*. Но какъ можно ожидать чего либо добраго отъ отчаяннаго положенія, въ которомъ обрѣтаюсь я нынѣ, и кое часъ отъ часу становится все хуже? Наипачежъ севодни разстроенъ я столь сильно, что не въ силахъ и писать даже къ

Вамъ болѣе. Итакъ, прощайте, любезный Маркизъ, желаю Вамъ быть здоровымъ.

NB: Завтрешній день думаю я препроводить отъ себя помянутую здѣсь книгу: *Неольмъ* долженъ поторопить лишъ работою оной.

Письмо 54[e].

Вы заботитесь, любезный мой Маркизъ, по пустому лишъ; со стороны Россіи нечего намъ страшится болѣе; всѣ оной войски возвращаются уже назадъ въ Москву. Чтожъ принадлежитъ до сей поспѣшной перемѣны, то опасался я того не безъ основанія всегда, по истиннѣ. Не рѣдко совѣтовалъ было я о томъ сему Государю, чтобъ оный принималъ во всемъ надлежащія мѣры; но надежда и безопасіе его были чрезчуръ уже велики, такъ что скучалъ онъ даже и слушать, когда напоминали ему бывало

о какой либо предосторожности. Въ разсужденіи Берлина, любезный мой Маркизъ, можете Вы совершенно быть спокойны; но ничуть не обо мнѣ однакожъ: ибо, глазамъ моимъ предстоитъ еще сколько трудная, столько и опасная работа, которую непремѣнно надобно окончать. Итакъ, испросите, пожалуйте, у щастія мнѣ желаемаго успѣха въ томъ; поелику все свершается чрезъ помощъ онаго, безъ тогожъ, напротивъ того, ничто не бываетъ. Впротчемъ, я совершенно согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ о томъ самомъ, что принадлежитъ до суетности всѣхъ въ свѣтѣ вещей и человѣческой злости; матерія сія составляла всегдашніе мои разговоры съ Вами: отъ того то самаго чувствую я по справедливости нѣкое отвращеніе ко всему свѣту, и потому то самому горю я безпрестаннымъ желаніемъ какъ можно скорѣе окончить сію нещастную войну, дабы тѣмъ пріятнѣе прекратить дни моей жизни въ мирѣ и тишинѣ. Вы видите, слѣдственно, довольно ясно все

непостоянство разныхъ человѣческихъ намѣреній. Бывшее въ Россіи смятеніе кажется Вамъ несравненно ужаснѣе, нежели всѣ другія произшествіи, въ коихъ я самъ Вамъ могу быть очевиднымъ свидѣтелемъ: но повѣрьте мнѣ въ томъ, что не смотря на все, во время всѣхъ сихъ семи походовъ не видалъ ничего инаго, кромѣ единой лишъ суетной надежды и ничуть невоображаемыхъ бѣдствій; словомъ, кромѣ всего того, что токмо отъ страннаго произвола и своенравія случая произойти можетъ. Знайте, любезный мой Маркизъ, что естьли перешелъ уже кто за пятдесятъ лѣтъ свой возрастъ, и буде удалось оному испытать все на самомъ дѣлѣ, тому, право, простительно не желать болѣе быть игрушкою щастія и отрещись уже свободно отъ всякаго честолюбія, всѣхъ вообще дурачествъ, кои молодаго человѣка безъ опыта обманываютъ съ лишкомъ часто, и всякихъ предразсужденій, подражаемыхъ въ большемъ свѣтѣ и предоставляемыхъ въ томъ же самомъ видѣ

потомству. ВЪ заключенїежЪ сего письма, прощайте, любезный МаркизЪ; будьте здоровы и веселы.

Окончанїе сихЪ писемЪ послѣдуетЪ вЪ X. й Части.

Конецъ десятой Части.